

МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ
1805 — 1940

В. А. В. БОГДАНОВ

Д. Н. АНУЧИН

1843 — 1923

МОСКВА · 1940

МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ
(1805—1940)

ВЛ. ВЛ. БОГДАНОВ

Дмитрий Николаевич
АНУЧИН

АНТРОПОЛОГ и ГЕОГРАФ

(1843—1923)

МОСКВА — 1941

Напечатано по постановлению
Совета Московского общества испытателей природы

Президент акад. Н. Д. Зелинский
Виде-президент проф. Л. И. Курсанов
Ученый секретарь С. Ю. Липшиц

Редактор С. Ю. Липшиц.

Л11514

Заказ 3323

Тираж 1150

Печ. л. 4,25 + вкладка

Авт. л. 6,5 59360 зн. в печ. л.

Типо-литография Центросоюза, Москва, 1-й Переведеновский пер., д. 43.

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНИЕ
К 135-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ
МОСКОВСКОГО ОБЩЕСТВА
ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ
(1805 — 1940)

Дмитрий Николаевич
АНУЧИН

1. Биография. Личные черты Анучина

На научном горизонте 50—60—70-х годов появляется созвездие больших светил, талантливых ученых, которые подняли научную жизнь страны на небывалый для прежних лет уровень.

В области естественных наук наиболее плодотворным оказалось все то, что было связано с эволюционным учением Дарвина, появившимся в эти годы.

С конца 80-х годов среди русской интеллигенции и университетской молодежи особенно широко были известны имена трех профессоров Московского университета, выдающихся и неутомимых пропагандистов дарвиновского учения — Тимирязева и Мензбира в биологии и Анучина в антропологии. Далеко не все ученые не только России, но и за границей так убежденно и страстно следовали учению Дарвина, так горячо пропагандировали его, как Тимирязев, Мензбир и Анучин.

Имя Анучина связано с широким кругом научных дисциплин о природе и человеке. Антропология, география, этнография, археология — во всех этих науках Анучин явился активнейшим работником. И, хотя отдельные антропологи и антропологические исследования уже появились задолго до него, все же по масштабу действий и плодотворности результатов, по широте охвата, фундаментальности и глубине исследований, по умению вовлекать в научные интересы большие массы людей — в созвездии русских научных светил Анучина можно считать звездой первой величины.

Когда Анучин вступил на научный путь, указанные дисциплины находились на первых этапах своего развития. В естественных науках господствовали антидарвинисты, археологи были представлены небольшим количеством ученых-любителей, в географическом отношении страна была изучена крайне недостаточно. Работники этих дисциплин между собой были слабо объединены. Общественно-научная жизнь мало развита, материальная научная база, в виде музеев, выставок, журналов, была бедна, университетские кафедры по этим специальностям редки и неустойчивы.

Эти науки нуждались в большом человеке огромных организационных дарований, богатых и разносторонних знаний, который из отдельных разрозненных научных ячеек и разбросанных элементов воздвигнул бы стройное научное здание, создал крепкую материальную научную базу, объединил старые и вырастил новые научные кадры, сформировал научную школу — словом вдохнул в науку живой творческий огонь.

Таким человеком явился Дмитрий Николаевич Анучин, антрополог, географ, археолог, один из выдающихся собирателей русской науки.

Анучин занимает одно из почетнейших мест в истории науки вообще и особенно в истории науки и общественности нашей страны. Оценить его многостороннюю научную деятельность, охарактеризовать его долголетнюю трудовую жизнь, предоставленную всецело науке, просвещению и общественному прогрессу, рассказать о его замечательной личности, о его авторитете и влиянии, — все это представляет сложную и трудную задачу. Моя 40-летняя совместная работа с Д. Н. Анучиным, близкое знание его жизни, трудов, научных и общественных выступлений дают мне некоторую возможность изложить то, чем Анучин ценен для науки и для нашей страны.

Д. Н. Анучин родился в Петербурге 27 августа (8 сентября) 1843 г. Но ни он, ни его родители и предки не были связаны кровными узами с чиновной северной столицей. Его отец был из духовного звания, родом из Нолинского уезда Вятской губернии, учился в духовной семинарии в Вятке, в которой курса не окончил, а поступил на военную службу. В 1812 г. отец Анучина участвовал в Отечественной войне и в кампании 1813—1814 гг. выслужил офицерский чин и потомственное дворянство. Мать Д. Н. Анучина, дочь крестьянина Галичского уезда Костромской губернии, получила образование в одном из петербургских пансионов.

Полукрестьянская, полудворянская интеллигентная семья Анучина дала Дмитрию Николаевичу возможность получить среднее и высшее образование. Он поступил в Петербурге в Ларинскую (4-ю) гимназию, по окончании которой сдал дополнительный экзамен по греческому языку, чтобы поступить на историко-филологический факультет.

Анучин жил в семье одиноко и благодаря библиотеке отца, еще будучи мальчиком, пристрастился к чтению. Там было много русских книг и журналов до 40-х годов включительно. Интересовался больше всего историей и литературой. В старших классах гимназии он читал «Историю» Карамзина, причем по его «Примечаниям» стал составлять список всех источников и пособий, которыми пользовался Карамзин. Читал он еще: «Римские женщины» Кудрявцева, «Историю Греции» Курциуса, «Завоевание Англии норманнами» Тьерри, «Покорение Мексики» Прескотта и многое другое. Одновременно перечитал чуть ли не всех беллетристов-классиков, русских и иностранных, великолепно ознакомился с оппозиционной критикой Добролюбова, Чернышевского, Писарева.

Когда Анучин окончил гимназию, он под влиянием прочитанных книг, отчасти и гимнастического историка Сидонского, поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Здесь он слушал выдающихся профессоров: М. М. Стасюлевича (история средних веков), Н. И. Костомарова (русская история), Изм. Ив. Срезневского (известного слависта), М. И. Сухомлинова (история литературы), Н. М. Благовещенского (римская словесность и римские древности) и других. Слушал он лекции иногда и на других факультетах: В. Л. Спасовича по уголовному праву, С. С. Куторги, блестяще читавшего лекции по зоологии, и др. К этому же времени относится развитие интересов Анучина к русской народной словесности (сборник П. Н. Рыбникова) и к этнографии (очерки С. В. Максимова).

Все складывалось так, что А н у ч и н должен был стать историком, филологом, но никак не естественником.

Однако личная жизнь А н у ч и н а сложилась иначе. Новые веяния в науке и философии направили его научные интересы и дальнейшую ученую деятельность в другую сторону. Первым толчком к этой перемене послужила его неожиданная поездка за границу.

К весне 1861 г. здоровье А н у ч и н а, вообще слабое, внушило некоторые опасения, и доктор С. П. Боткин, найдя у него болезнь легких, посоветовал юноше А н у ч и н у на время оставить университет и года два пожить за границей, зимой в Риме, летом—в южной Германии. А н у ч и н тогда же поехал через Берлин в Гейдельберг, где и провел лето 1861 г. в пансионе проф. Гофмана, бывшего в 1840-х годах профессором Московского университета и в 1848 г. высланного из России «по неблагонадежности». В Гейдельберге было много русских, с большинством из которых А н у ч и н познакомился. Осенью он переехал в Рим, который в то время принадлежал папе и был занят французскими войсками. Здесь А н у ч и н, еще полный интереса к истории, прилежно изучал искусства и древности, вращался преимущественно в среде художников.

С наступлением жары, в 1862 г., он переехал на Лаго ди Комо в Тремеццо. Там не было ни одного русского, и все четыре месяца А н у ч и н провел среди итальянцев, особенно пользуясь гостеприимством владельца большой библиотеки Триульци, знатока литературы, философии, науки и политики XVIII и первой половины XIX века.

Зима 1862—63 г. была проведена опять в Риме, в Неаполе, в окрестностях которых А н у ч и н делал экскурсии. Здоровье окрепло настолько, что в начале июня 1863 г. он возвратился в Россию и поселился навсегда в Москве, в которой с тех пор прожил 60 лет.

Казалось бы, что заграничная поездка должна закрепить в нем интерес к истории, к древности, к филологии. На самом деле, за эти годы заграничной жизни в его умонастроении произошел крупный переворот. Философские и научные течения, с которыми А н у ч и н основательно ознакомился за границей, пробудили в нем сильнейший интерес к естествознанию. Вернувшись из-за границы в Россию, он сознательно выбрал естественный факультет Московского университета, на который и поступил с твердым намерением основательно усвоить естественные науки и на них строить свое научное мировоззрение. Нужно было иметь много силы воли, чтобы так резко отойти от истории и филологии, для которых он потрудился уже немало и с успехом. А н у ч и н, впрочем, не считал это время потерянным. Свои историко-литературные интересы и знания он продолжал и впоследствии применять и развивать.

В Московском университете, под влиянием двух молодых талантливых профессоров — Сергея Алексеевича Усова и Анатолия Петровича Богданова, А н у ч и н заинтересовался зоологией. Стал знакомиться также и с новой в то время наукой антропологией. К антропологии с интересом относился и А. П. Богданов, которого называют пионером русской антропологии и который много помог А н у ч и н у стать антропологом.

В 1867 г. А н у ч и н окончил Московский университет кандидатом. В это время он не нуждался в службе для заработка и имел возможность свободно отдаться занятию наукой. Вся дальнейшая жизнь А н у ч и н а связана только с наукой. Наукой он служил стране и обществу. Науку он понимал широко, потому что новая усложненная жизнь требовала от ученого деятеля широких, обобщающих знаний, требовала

серьезной философско-научной мысли. Анучин был глубоким мыслителем-ученым того материалистического течения в естествознании, которое опиралось на эволюционное учение Дарвина. История человека и история Земли слились в Анучине в одно цельное научное миро-созерцание.

Еще будучи студентом у Богданова и Усова, на первом этапе своей научной работы Анучин начал с изучения человека в системе животного мира. Несколько позднее в 1874 г. он напечатал свой первый труд об антропоморфных обезьянах и их связи с человеческими расами, за который получил ученую степень магистра зоологии. (Ученые звания по антропологии тогда еще не присуждались в университете). Дальше продолжается научный рост Анучина, как антрополога, этнолога, археолога, и завершается насаждением и развитием в России молодой науки географии.

Некоторые были склонны объяснять разносторонность научных интересов Анучина внешними условиями его личной жизни и преподавательской деятельности. Однако это вовсе не вытекало из случайных обстоятельств, а было неотъемлемо связано с особенностями его цельной натуры и его научного мышления. Он отрицательно относился к узкой специализации и считал нормальным путем научного деятеля, если, начав с исчерпывающего изучения одной узкой отрасли знания, он постепенно расширяет свой кругозор и вступает в соседние дисциплины, делаясь работником не одного узкого раздела, а целого комплекса наук, взаимно дополняющих друг друга.

Анучин обладал редкой способностью комплексного мышления. Он видел не единичные явления, а воспринимал жизнь сразу целыми пластами и комплексами. В каждом изолированном явлении он видел все многочисленные связи, которые объединяют данное явление со всем остальным миром. Отсюда и вытекает энциклопедический склад его аналитического ума. Сам он занимается одновременно несколькими научными дисциплинами и даже каждую отдельную науку он трактует как комплекс нескольких наук. Антрополог, по его мнению, должен быть основательно осведомлен в анатомии человека, в сравнительной анатомии, зоологии, геологии, палеонтологии, доисторической археологии и этнологии. Географ должен быть специалистом в астрономии, физике, геологии, этнографии, статистике.

Расширение объема знаний в каждой дисциплине должно предохранить от узкой трактовки предмета и дать настоящее исчерпывающее знание. Крупные мыслители в большинстве случаев обладают энциклопедическим образованием именно потому, что только оно обеспечивает комплексность научного анализа. И только в этом причина разносторонних знаний Анучина.

Эту идею он высказал в своей оценке научной деятельности знаменитого антрополога Рудольфа Вирхова. В кратком биографическом очерке по поводу 80-летия Вирхова, напечатанном в «Русских ведомостях» (№ 207, 1901), Анучин объясняет, как создается тот или другой тип ученого.

«Каждый деятель в области знаний является, с одной стороны, продуктом развития тех задатков, способностей, физических и духовных сил, которые переданы ему наследственностью и сложились в результате эмбриональной и последующей эволюции его организма, а с другой— продуктом разнообразных влияний и воздействий, испытанных личностью в разные эпохи жизни,» в школе, в университете, на первых порах само-

стоятельной деятельности и в дальнейшие годы производительной работы. По условиям своего первоначального воспитания Вирхов не выделялся ничем особенным от своих сверстников». Далее Анучин дает обзор постепенного развития научных интересов и работ Вирхова и заканчивает так: «Начав таким образом с деятельности прозектора, перейдя затем от констатирования патологических фактов к их использованию путем применения новых плодотворных методов естествознания, дав мощный импульс реформе патологии и медицины, Вирхов мало-помалу перешел к более широкой научной, общественной и политической деятельности, направленной, с одной стороны, к многостороннему изучению человека, а с другой — к посильному содействию обществу и государству в осуществлении ими запросов культуры».

Давая такую характеристику жизни и научной деятельности одного из выдающихся ученых Германии — Вирхова, которого он хорошо знал и высоко уважал, Анучин как бы говорил о самом себе. Жизнь не отделяется от науки резкой перегородкой. Она требует, чтобы каждый научный работник вошел в нее всем своим существом, если только ученый сам не пожелает уйти от нее, запершись в своем кабинете, в своей узконаучной специальности. Эту мысль Анучин более открыто высказал и о себе самом на торжественном чествовании его 30 марта 1900 г. в день 25-летия его деятельности в Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии.

В присутствии большого собрания ученых, в ответ на многочисленные приветствия, Анучин скромно отводит своим научным достижениям далеко не первое место и указывает на бросающееся в глаза разнообразие его научных работ. Но при этом он объяснил, что «можно найти известное оправдание и для несколько разбросанной деятельности, если она вызывается интересом к знанию, отзывчивостью на человеческое стремление внести свою лепту в дело просвещения, исканием удовлетворения в работе мысли. Весьма полезно совмещение специальной научной работы с деятельностью по распространению знаний и просвещения, особенно если уровень знаний в стране не настолько высок, чтобы в ней был избыток деятелей и возможна была строгая специализация в видах общественного служения».

Этими словами Анучин сказал, что ученый должен быть таким, каким он больше всего нужен своей стране.

Есть и другая черта, которую отмечали некоторые биографы Анучина. Эта черта связана с указанной кажущейся разбросанностью. Именно, будто бы многосторонность научных интересов Анучина не дала ему возможности создать что-нибудь монолитное, цельное ни в антропологии, ни в географии. Анучин и не стремился к грандиозным научным построениям, которые для того времени требовали построения всеобъемлющих теорий и искусственно составленных систем. Совершенно правильно говорит по этому поводу В. В. Бунак: «Не будучи человеком отвлеченным, он обладал исключительной способностью отчетливого восприятия единичных конкретностей, которые, благодаря его выдающейся памяти, существовали для него независимо от каких-либо теоретических систем. Реальный факт, как бы ни мало он укладывался в какую-нибудь систему, каким бы случайным или маловажным он ни казался, имел для Д. Н. самостоятельное бытие, и никогда никакие самые блестящие теории не изгладили бы этого факта, разве только новые факты» (Русск. антр. жур., т. XIII, вып. 3—4).

В тот период, недалекий от нас, науки о Земле и человеке находились на первых ступенях развития, и они больше всего нуждались в накоплении первичного фактического материала. Раньше нужны факты, огромное количество фактов, а потом обобщения и теоретические схемы — так вот путь научного мышления. Для антропологии, географии, археологии середины прошлого века это особенно правильно.

Но это не значит, что Анучин не признавал научных теорий вообще. Он не только следил за всеми новыми научными теориями, но и всегда считался с ними постольку, поскольку они давали новое освещение ранее известным фактам. При этом, оставаясь всегда на строго научной почве, Анучин требовал, чтобы теория подтверждалась «возможно большим числом проверенных фактов», чтобы в этом случае факты «объяснялись достаточно вероятной и полной теорией». (Русск. антр. журн., № 1, 1900, стр. 29). Неправильная теория может обесценить большую научную работу. Характерно, что давая оценку работ Александра Гумбольдта, спустя несколько десятилетий после его смерти, Анучин объясняет некоторые его ошибки недостатками господствовавших при Гумбольдте теорий, например «теорией вулканизма и горообразования, которая господствовала в его время, согласно авторитету Эли де Бомона» (А. ф. Гумбольдт, Центральная Азия, перевод под ред. Анучина, стр. 54, примеч.). В своей критической оценке той или другой научной «схемы» или теоретической основы новых трудов, Анучин всегда придавал схематическому построению и теории большое научное значение только тогда, если они действительно давали фактам хорошо обоснованное объяснение. В своих университетских лекциях Анучин особенно тщательно знакомил слушателей как с фактической стороной научных исследований, так и с постоянно прогрессирующим ростом теоретических построений.

Таким строгим и последовательным реалистом в науке, большим эрудитом во многих областях знаний, обладателем неисчерпаемого знания фактов является Анучин во всех своих работах по антропологии, палеоэтнологии (или доисторической археологии), этнологии, географии и в популярно-научной пропаганде естественно-исторических знаний.

В личной жизни Анучин был общительным человеком, постоянным центром, который привлекал к себе много людей самых разнообразных интересов. Где касалось точности научного исследования и чистоты академических традиций, он всегда бывал чрезвычайно требователен к себе и другим. Но в личных отношениях он был товарищем, всегда готовым на помощь и поддержку.

Анучин всегда искал общения с людьми, сам шел к людям, его интересовавшим. За свою долгую жизнь он познакомился с огромным числом людей, самых разнообразных по уму и характеру, в России и за границей. Не только личная беседа, но и переписка Анучина с учеными деятелями была ежедневным обычаем его трудового дня. Аккуратность, точность и обстоятельность анучинских писем были общеизвестны.

Анучин интересовался не только людьми науки, но и людьми искусства, общественными деятелями, политическими ссыльными. Со всеми у него была переписка, многих он встречал в России и за границей и поддерживал с ними знакомство. Между прочим, его очень интересовала личность Льва Толстого, с которым он был лично знаком и у которого бывал. («Из встреч с Л. Н. Толстым», Р. В. 1908; «Несколько часов в Ясной Поляне», Р. В., 1908; «К отъезду Л. Н. Толстого», Р. В., 1910; «Памяти Толстого», Р. В., 1910).

Общительность Д. Н. Анучина не была светской, галантной. Анучин всегда подходил к новому человеку, к новой встрече с какой-то строгой пытливостью.

— «Извольте раскопки вести, спрашивает он одного, — удачно? (а сам уже знает, что неудачно).

Тот что-нибудь отвечает о своих успехах. Анучин без всякой насмешки и задора дает оценку его работе и незаметно переходит к разъяснению, как надо раскапывать, какие задачи в этом себе ставить. Собеседник рад, не рад — а советы и указания Анучина принимает к руководству.

Приехал из Парижа молодой француз с рекомендацией от своего профессора и просьбой «помочь молодому археологу» в ознакомлении с археологией России. Анучин назвал ему ряд изданий, указал на коллекции Исторического музея и еще что-то. Тогда молодой человек предложил Анучину изложить ему в беседе содержание названных печатных работ и значение собранных коллекций. Анучин, который и от своих студентов всегда требовал самостоятельного ознакомления с источниками, был крайне недоволен навязчивостью французского и сразу отрезал:

— Мне некогда.

Француз, смущенный, поблагодарил, сказал еще что-то вежливое, оставил свою визитную карточку с адресом и ушел.

Анучин поглядел смущенно сначала на служителя, потом на меня, потом, как будто что-то вспомнив, говорит:

— А ведь черт его знает! Может быть, он русского то языка и не знает. А я ему — прочитайте то-то и то-то. Ведь француз то мог обидеться.

И Анучин, не долго думая, отправился в гостиницу, где долго просидел у французского и провел с ним своего рода семинарий по археологии России.

Вообще обидеть, унизить личное достоинство человека Анучину не позволяла его совесть. И он очень переживал, когда приходилось о ком-нибудь высказывать свое отрицательное суждение.

Однажды Анучин колебался дать рекомендацию на занятие профессорской кафедры в провинции молодому человеку, действительно, не достойному кафедры. Анучин по этому вопросу получает из университета уже третье письмо:

— Ваше слово, Дмитрий Николаевич, его мы ждем: «достойн» — примем, «недостойн» — откажем.

Анучин показывает это письмо и жалуется:

— Вот опять скажут: «Анучин не дает хода начинающим ученым». А какой он ученый!

— А Вы все же присудили ему магистра.

— Присудил — скрепя сердце. И все из-за того, что меня винят: не даю ходу.

Анучин, правда, в своем отзыве в печати раскритиковал этого «магистра» как следует. А в письме о нем в университет высказался приблизительно так:

«Он хотя и не очень какой ученый, а все же, кажется, честный человек».

«Магистр», благодаря такому отзыву, был зачислен на должность профессора.

Строгое отношение к самому себе, как судье научных работ, постоянное стремление Анучина к правдивой оценке во имя научной

истины, делали А н у ч и н а в глазах многих суровым и как бы жестким к людям, А н у ч и н это и сам сознавал. Но серьезный ученый не может быть другим. Однако иногда обстоятельства все же вынуждали его отступать от научной требовательности. Он знал, например, что такой-то не подготовлен для профессуры и говорил:

— Ну, что он будет читать студентам? Ведь врать будет и студентов научит врать. А впрочем, и то сказать: «на безлюдье и Фома — дворянин». Ведь совсем людей нет. Авось сами студенты его подучат.

Осуждая заносчивых профессоров, он не раз говорил:

— И отчего это так? Приходят ко мне студенты, я им все разъясняю: как и что нужно. А только, конечно, говорю: Вот такую-то книгу запишите, прочтите и приходите ко мне. Не могу же я разговаривать со студентом впустую.

— И что же, Дмитрий Николаевич?

— Приходят. Только как: запишут 15, а приходят два.

Это, действительно, был метод А н у ч и н а: заставить студента читать (нередко на иностранном языке) и потом уже беседовать со студентом, как с человеком, кое-что знающим.

А н у ч и н не любил давать студенту исчерпывающую литературу, не потому, чтобы ему был недосуг это сделать, а потому, что он хотел приучить студента самостоятельно ориентироваться в литературе и ее разыскивать. По этому поводу припоминается забавный случай.

А н у ч и н спрашивает студента:

— Вы помните охотника Ермолая?

— Нет, Дмитрий Николаевич, не помню.

— Вы читали «Записки охотника»?

— Нет, Дмитрий Николаевич, я А к с а к о в а ничего не читал.

— Да ведь это Т у р г е н е в а. Прочтите. Там есть рассказ: «Охотник Ермолай». Бог вы спрашиваете у меня, что прочесть, какие источники да как найти. А Ермолай то вот что Вам на это сказал бы:

— Умный пес сам себе пропитание сыщет.

После такого нравоучения А н у ч и н, видя, что студент слаб, выносит ему из кабинета книгу на русском языке, дает прочесть и просит, прочитавши, прийти поговорить. И студент приходил, все смелее и смелее беседовал с А н у ч и н ы м.

Прекрасный педагог, который создал обширную свою собственную «анучинскую» школу, он умел вовлекать студентов в научную работу, всемерно помогая, но никогда не подталкивая их. Самостоятельность научного исследования было первым требованием, которое он предъявлял, начиная со студенческой скамьи.

Плохая подготовка молодых людей в средней школе того времени — по новым языкам, по естествознанию, по физике, химии и т. д. — ложилась большим бременем на труд университетского преподавателя. А н у ч и н у пришлось не мало потрудиться на этом участке. Вот, студент, более способный и усердный, наконец, выдвинулся. Кончает университет, работает у А н у ч и н а по специальности. У него является желание что-нибудь написать или взять на себя перевод научной книги с иностранного языка. Конечно, он прежде всего обращается за помощью к А н у ч и н у. Сделанные переводы тщательно просматриваются А н у ч и н ы м, выверяются, исправляются, дополняются. Это — труд очень кропотливый и неблагодарный, но я не помню, чтобы А н у ч и н кому-нибудь отказал в своей помощи.

После нескольких опытов проверки переводов, Анучин говорил, что легче самому перевести, чем чужие переводы исправлять. И тем не менее он и эту работу выполнял терпеливо и безотказно. Анучин в этой работе находил некоторое удовлетворение. Какое?

— А такое, говорил Анучин, что тут я молодого человека и пожурю, и постыжу, а он не обижается. Глядишь, мало-по-малу, и выправляется. Толк есть.

— А вот когда я такому то (называет имя одного археолога) сказал, что он что-нибудь перепутал, сейчас—обида: «Да как я мог перепутать, Дмитрий Николаевич; я знаю, что я говорю; я не мальчик».

— Ну хоть и не мальчик, а перепутал.

Анучин обладал огромной памятью, о которой говорил проф. Бунак, как об источнике его «отчетливого восприятия единичных конкретностей». У Анучина была особого рода память. Бывают люди с феноменальной памятью, которые однако не воспринимают действительности. Анучин обладал другого рода памятью. Прочитавши, например, книгу, он вовсе не запоминал ее наизусть, не приводил отдельных цитат. Но, читая, он всегда следил за основными тезисами, объяснениями и доказательствами, за логическим ходом рассуждений автора. Получив ясное представление обо всем, что было прочитано, он запечатлевал в своей памяти навсегда все основное: имя автора, тему его книги, тезисы, объяснения, доказательства и ряд наиболее заинтересовавших его фактов. А читал Анучин много. В итоге получался, как говорится, «кладёзь премудрости», из которого всегда и свободно Анучин черпал все, что ему было необходимо как для своих исследований, так и для устной беседы в аудитории, на заседаниях, на съездах. К этой способности Анучина настолько привыкли и так на его знания полагались, что редко кто решался сомневаться в достоверности сообщаемых им сведений. Зато сам Анучин как бы на лету подмечал ошибки других. Стоило, например, кому-нибудь сослаться на высказывания того или другого автора, как Анучин уже следил, правильно ли переданы эти высказывания. Часто они передавались неправильно и даже с большим искажением. Тогда Анучин спокойно делал замечание, что данный автор «ничего подобного не писал, никогда не высказывал и не мог высказывать, потому что он вот какие мысли приводил». И Анучин давал при этом полный реферат высказываний дискутируемого автора. То же самое характерно для Анучина и в бесконечном количестве его рецензий.

Это «отчетливое восприятие конкретностей» свойственно было Анучину, именно благодаря его огромной памяти, которая функционировала не механически, подобно фотопластинке, а в полной гармонии с его анализирующим и синтезирующим умом.

В течение многих лет изо дня в день он вел дневник, в котором находили место все более или менее примечательные встречи с людьми, его сокровенные мысли о них, равно как и записи о своих собственных настроениях и переживаниях.

Много позднее я как-то спросил Дмитрия Николаевича, какое значение он придает писанию дневника.

— А такое, — отвечал Анучин, что дневник всегда правдивее воспоминаний. А как поживешь с мое, да подумаешь, что много ведь перевидал на свете — и людей, и событий! Кто обо всем об этом скажет будущему историку? Плохой ли, хороший ли дневник, а все же это будет правда.

После нескольких опытов проверки переводов, А н у ч и н говорил, что легче самому перевести, чем чужие переводы исправлять. И тем не менее он и эту работу выполнял терпеливо и безотказно. А н у ч и н в этой работе находил некоторое удовлетворение. Какое?

— А такое, говорил А н у ч и н, что тут я молодого человека и пожую, и постыжу, а он не обижается. Глядишь, мало-по-малу, и выправляется. Толк есть.

— А вот когда я такому то (называет имя одного археолога) сказал, что он чтонибудь перепутал, сейчас—обида: «Да как я мог перепутать, Дмитрий Николаевич; я знаю, что я говорю; я не мальчик».

— Ну хоть и не мальчик, а перепутал.

А н у ч и н обладал огромной памятью, о которой говорил проф. Бунак, как об источнике его «отчетливого восприятия единичных конкретностей». У А н у ч и н а была особого рода память. Бывают люди с феноменальной памятью, которые однако не воспринимают действительности. А н у ч и н обладал другого рода памятью. Прочитавши, например, книгу, он вовсе не запоминал ее наизусть, не приводил отдельных цитат. Но, читая, он всегда следил за основными тезисами, объяснениями и доказательствами, за логическим ходом рассуждений автора. Получив ясное представление обо всем, что было прочитано, он запечатлевал в своей памяти навсегда все основное: имя автора, тему его книги, тезисы, объяснения, доказательства и ряд наиболее заинтересовавших его фактов. А читал А н у ч и н много. В итоге получался, как говорится, «кладезь премудрости», из которого всегда и свободно А н у ч и н черпал все, что ему было необходимо как для своих исследований, так и для устной беседы в аудитории, на заседаниях, на съездах. К этой способности А н у ч и н а настолько привыкли и так на его знания полагались, что редко кто решался сомневаться в достоверности сообщаемых им сведений. Зато сам А н у ч и н как бы на лету подмечал ошибки других. Стоило, например, кому-нибудь сослаться на высказывания того или другого автора, как А н у ч и н уже следил, правильно ли переданы эти высказывания. Часто они передавались неправильно и даже с большим искажением. Тогда А н у ч и н спокойно делал замечание, что данный автор «ничего подобного не писал, никогда не высказывал и не мог высказывать, потому что он вот какие мысли приводил». И А н у ч и н давал при этом полный реферат высказываний дискутируемого автора. То же самое характерно для А н у ч и н а и в бесконечном количестве его рецензий.

Это «отчетливое восприятие конкретностей» свойственно было А н у ч и н у, именно благодаря его огромной памяти, которая функционировала не механически, подобно фотопластинке, а в полной гармонии с его анализирующим и синтезирующим умом.

В течение многих лет изо дня в день он вел дневник, в котором находили место все более или менее примечательные встречи с людьми, его сокровенные мысли о них, равно как и записи о своих собственных настроениях и переживаниях.

Много позднее я как-то спросил Дмитрия Николаевича, какое значение он придает писанию дневника.

— А такое, — отвечал А н у ч и н, что дневник всегда правдивее воспоминаний. А как поживешь с мое, да подумаешь, что много ведь перевидал на свете — и людей, и событий! Кто обо всем об этом скажет будущему историку? Плюхой ли, хороший ли дневник, а все же это будет правда.

Таков был Анучин в жизни, в ежедневном общении с товарищами, со студентами. Он был обаятельным человеком и таким навсегда остался в памяти людей, знавших его лично.

II. Анучин антрополог

Первый интерес к изучению человека Анучин получил от своего университетского профессора А. П. Богданова, который, читая в Московском университете зоологию, проявил интерес также к антропологии и к изучению древнего человека в курганных погребениях. Здесь же, при кафедре Богданова, зародилась его магистерская диссертация. Но главной антропологической школой, которая сделала Анучина специалистом антропологом, была его двухлетняя командировка за границу от Комитета по устройству антропологической выставки в Москве при Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии. Инициатором этой выставки и командировки Анучина был А. П. Богданов, который решил создать впервые в Московском университете кафедру антропологии, подготовить для нее Анучина путемграничной поездки для занятий у западноевропейских ученых и путем создания при университете антропологического музея из коллекций проектируемой антропологической выставки, чтобы таким образом дать студентам наглядные пособия по антропологии.

Организовавши уже предварительно две выставки, этнографическую в 1867 г. и политехническую в 1872 г., и два музея, этнографический и политехнический, трудами и средствами Общества любителей естествознания, А. П. Богданов создал при Обществе и упомянутый Комитет антропологической выставки, первое заседание которого состоялось в январе 1873 г. Сроком открытия выставки в Москве был намечен 1878 г. Для нее нужно было изучить материал, собрать коллекции за границей и в России. Заграничная часть организации была поручена Анучину в мае 1876 г. Подготовившись к ней предварительно, Анучин свою командировку начал в 1877 г. В то же время выяснилось, что на всемирной парижской выставке 1878 г. будет также организован антропологический отдел, поэтому срок московской антропологической выставки был передвинут на 1879 г., и Анучину предложено было войти в связь с организаторами парижской выставки, а впоследствии сами организаторы пригласили Анучина помочь им устроить их антропологический отдел на парижской выставке.

Организационная и научно-исследовательская деятельность Анучина за эти два года поражает широким охватом. За все время пребывания за границей Анучин посылает обстоятельные письма и отчеты Комитету московской антропологической выставки, которые представляют из себя интересную летопись, излагающую во всех деталях состояние антропологической науки, ученых деятелей, музеев, кафедр, лабораторий за границей, частично и у нас. Эта кропотливая, добросовестно-четкая антропологическая летопись напечатана (и то не вся, а в извлечениях) в первых двух томах «Антропологической выставки Общества любителей естествознания» (1878—1879) отдельными корреспонденциями в протоколах заседания Комитета и в общей сложности составляет солидный труд размером в 30 печатных листов. В нем заключена яркая характеристика не только всего того, что видел Анучин, с кем он говорил, чьи лекции слушал, с кем вел научные исследования, но и самого Анучина как ученого.

Отправляясь за границу, А н у ч и н осмотрел сначала музеи Петербурга и написал несколько писем об их замечательных коллекциях. Здесь он не просто осматривал коллекции, но входил в живейшие сношения, беседы, даже работал с наиболее выдающимися интересными лицами. Такой же стиль работы повторяется во всех дальнейших его посещениях заграничных деятелей, музеев, университетов, библиотек и т. д.

В заграничной поездке А н у ч и н детально описывает прежде всего богатейшие берлинские музейные и университетские собрания. Приехав в Париж, А н у ч и н сразу очутился в обществе знаменитого Брока, Д а л ь и, Т о п и н а р а, М о р т и л ь е, слушает их курсы, принимает участие в практических работах, изучает коллекции и обо всем дает подробный отчет с критической оценкой людей, институтов, работ и пр. Его интересуют здесь не только антропологические вопросы, но и курсы по гистологии и эмбриологии. С М о р т и л ь е он ездил в окрестности Парижа для осмотра дольменов. В анатомическом музее берлинской ветеринарной школы он при содействии проф. Р е й х е р т а тщательно ознакомился с большой коллекцией черепов обезьян. Вернувшись снова в Париж, он продолжает работать у М о р т и л ь е и Б р о к а, дает характеристику читаемых ими курсов и особенно заинтересован курсом эмбриологии Б а л ь б и а н и. «Курс г. Бальбиани, — пишет А н у ч и н, — отличается многими достоинствами, как потому, что профессор высказывает большое знакомство с литературой предмета и следит за всеми новыми исследованиями, так и потому, что изложение сопровождается демонстрацией множества рисунков, сделанных в большом виде и весьма отчетливо». Много интересного сообщено А н у ч и н ы м по изучению доисторических древностей.

Описывает он и коллекции небольшого Парижского антропологического музея («весь музей в одном зале»), этнографическое отделение Луврского музея, и другие. В музее галло-римских древностей в Сен-Жермене, недалеко от Парижа, А н у ч и н отмечает изображения народности даков на слепках с барельефов триумфальной арки Константина, живших на территории нынешней Румынии. П о г о д и н в них видел славян. Это — вообще большой музей (15 комнат), и А н у ч и н дает очень детальное описание его коллекций.

А н у ч и н приезжает в Лондон, знакомится с Ф р э н к с о м и Э в а н с о м, осматривает остеологическое собрание в *Museum of the Royal College of Surgeons* дает его детальную характеристику, равно как и доисторических коллекций любителя-собирателя К р и с т и в Британском музее, а также многочисленных этнографических коллекций. Вообще коллекции Британского музея им изучены и описаны основательно и с большими подробностями. В сущности это — не описание, а целый очерк материальной бытовой культуры у разных племен и народов мира.

При поездке в Бельгию, А н у ч и н изучает и описывает Бельгийский музей естественной истории (наиболее замечательны коллекции по доисторической археологии и палеонтологии четвертичного периода), затем осматривает музеи и знакомится с состоянием антропологии и археологии в Южной Германии — в Майнце, Франкфурте, Гейдельберге, Мюнхене, где посещал заседания съезда натуралистов (проф. Р а н к е, Р ю д и н г е р и др.).

К этому времени А н у ч и н прорабатывает предположения о посо-

биях, необходимых при преподавании антропологии, и посылает Московскому комитету составленную им записку по этому вопросу.

После этого Анучин совершает поездку в Саксонию и Богемию с антропологическими заданиями. В Лейпциге знакомится с Гисом (эмбриологом), у которого хотел заниматься эмбриологией, прослушал курсы других эмбриологов: Флексига, Раубера, Людвига. Прослушал Анучин несколько лекций Вундта по антропологии (Вундт преподавал еще психологию), который читал введение, более популярное, применительно к составу слушателей, как объяснил это Вундт Анучину. Были тщательно осмотрены и изучены все лейпцигские музеи, в зоологическом — черепа разных племен. Далее Анучин был в Дрездене, Праге. В последнем городе Анучин уделил много внимания коллекциям моравских древностей и прислал Московскому комитету обстоятельный список вещей из моравских пещер (от д-ра Ванкеля). В Вене Анучин знакомился с разными музеями, между прочим, с анатомическим музеем Лангера и Гиртля.

После этих поездок Анучин снова вернулся в Париж и принялся за дальнейшую организацию антропологической выставки, продолжая знакомиться с музеями, музейными и университетскими деятелями.

К этому времени Анучин получает от Общества любителей естествознания субсидию в 400 руб. на поездки для осмотра местностей, интересных в смысле доисторических древностей, и для раскопок в них. Он советуется с Шантром, Мортилье, Картальяком и Массена. «Г. Массена, — пишет Анучин, — изъявил полную готовность показать мне все более замечательные пещеры и убежища под скалами (abris sous roches) по берегам Везеры и произвести в одном из гротов раскопку». Шантр охотно пожелал произвести раскопки в департаменте Юры (бронзового и железного века), Картальяк предложил произвести раскопку нескольких дольменов. В отчете «Комитету» Анучин подробно описывает, как им были выполнены все поездки и намеченные раскопки, которые ему дали практическое знакомство с полевой научной работой и доисторическими древностями высокой ценности. Массена предлагал Москве приобрести свою большую коллекцию каменных и костяных орудий из пещер в долине р. Везеры. Свои раскопки дольменов (с Картальяком) Анучин не только описывает, но, попутно, он сообщает и обстоятельные сведения вообще о дольменах Франции. Очень интересны сношения Анучина с доктором Гарригу, изъявившим готовность составить и прислать в Москву коллекцию каменных и костяных орудий и костей животных из пиринейских пещер. Путешествие Анучина по Южной Франции, раскопки и оживленное участие в них лучших знатоков доисторических древностей составляют важнейшую часть его подготовки к научной и преподавательской деятельности в России.

В результате двухлетнего путешествия Анучин стал законченным ученым, с большим кругозором научных знаний и с огромным знакомством с многими десятками выдающихся деятелей науки. Редко кому удается так подготовиться к самостоятельной научной деятельности. Этого достиг Анучин исключительно благодаря своей преданности научному делу, необыкновенной трудоспособности и добросовестному сознанию долга ученого.

За границей Анучин прежде всего воспринял широкий объем содержания антропологии, как науки о человеке. Антропология того времени во Франции, в Англии и в других странах стремилась к обобщен-

ному пониманию как физической природы человека, так и его жизни и деятельности в бытовой обстановке, как в его современном состоянии, так и в его прошлом, особенно в доисторическом прошлом. Сюда же входил и вопрос о происхождении человека как о начальном моменте жизни человека на Земле. Этот сложный состав антропологической науки лишь несколько позднее стал находить некоторое количество специалистов для ее дифференциации на отдельные специальности: физическую антропологию, доисторическую антропологию, иначе — доисторическую археологию или палеоэтнологию и, наконец, этнологию или этнографию.

А н у ч и н воспринял сознательно весь комплекс объема антропологии, как он стоял в то время во Франции и как с полной определенностью он выявлен в инструкции для Парижской всемирной выставки 1878 г. по антропологическому отделу (Антроп. выставка, т. I, стр. 330—335). Я привожу здесь краткое содержание французской инструкции по антропологической выставке, а потом, для сравнения, приведу тезисы из программы А н у ч и н а по Московскому антропологическому музею. Там и здесь с полной определенностью выявлено различное понимание объема антропологической науки и ее значение в системе естественно-исторических дисциплин. Основные тезисы французской инструкции кратко могут быть сведены к следующему:

«Антропология есть та ветвь естествознания, которая изучает человека и его племена. В ее состав входят данные, вырабатываемые целым рядом других наук, как например: этнография, археология, лингвистика и демография, составляющая близкие и соприкасающиеся с ними ветви знаний. Но данные, получаемые из таких наук, только пополняют содержание антропологии, которое имеет своим существенным предметом изучение физических и физиологических свойств человеческих рас и всего рода человеческого, взятого в его совокупности и в его соотношениях с другими организмами». Этот отдел программы, разработанный Т о л и н а р о м, распадается на несколько подразделений: 1) сравнительная анатомия, 2) внешние признаки племен в их совокупности, 3) внешние признаки племен, взятые в отдельности, 4) снаряды и методы исследования.

В инструкции по отделу этнографии, составленной Ж и р а р о м де Р и а л л е м, даются общие указания: «Выставка по отделу антропологических знаний была бы не полна, если бы она не заключала в себе отдела этнографии. В самом деле, трудно провести на практике резкую черту между естественно-историческим изучением человеческих племен и изучением их с точки зрения типических черт их обстановки и культуры».

Б е р т и л ь о н о м составлена отдельная инструкция по демографии и медицинской географии или «биологической географии». Метод исследования по этому отделу опирается «на числа и их соотношения, по большей части сгруппированные в числовых таблицах и рассматриваемые как по отношению своей сущности, так и в связи с территориальными условиями».

С большей ясностью и с большей отчетливостью составил программу организации Московского антропологического музея в Москве сам А н у ч и н. Соображения А н у ч и н а по этому вопросу изложены в виде «Записки о пособиях, необходимых при преподавании антропологии». Вот — содержание его записки:

А н у ч и н предлагает пособия распределить в трех отделах:

1) анатомо-морфологическом, 2) палеонтолого-археологическом, 3) этнологическом (или иначе — в отделе истории культуры).

В анатомо-морфологическом отделе у него в большом размере фигурируют объекты животных: бюсты, чучела и слепки с голов и конечностей обезьян, слепки и фотографии, а особенно скелеты животных (некоторые из них и для палеонтологического отдела): льва и тигра, медведя, волка, несколько пород собак: борзой, лягавой, таксы, бульдога, мопса, дога и других; лошади, быка, зубра, северного оленя и т. д. и т. д., нескольких видов американских обезьян (*Cebus*, *Myctes*, *Pithecia*) и Старого Света (*Syncephalus*, *Macacus*, *Cercopithecus*, *Semnopithecus*), антропоморфных обезьян: гиббона, оранга, гориллы. Далее следуют скелеты человека, рисунки и другие пособия.

В палеонтолого-археологическом отделе требуются: 1) геологические карты Европы, показывающие распределение отложений третичного периода, распределение валунов, ледников, делювиальных отложений, вероятные очертания материка во время ледникового периода, а также археологические карты распределения дольменов, свайных построек и других памятников доисторической старины; 2) коллекции раковин миоценового, плиоценового и делювиального периодов; 3) кости (подробный перечень их); 4) каменные и костяные орудия; 5) сравнительная коллекция типов палеолитических и неолитических орудий; 6—8) разные модели; 9) коллекция бронзовых орудий и украшений; 10) предметы переходной эпохи к железному веку; 11) разные атласы, сочинения и пр.

Из этого краткого обзора программы антропологического музея не трудно видеть, что, по мысли А н у ч и н а, антрополог должен быть осведомлен в разных научных дисциплинах: в анатомии человека и в сравнительной анатомии, в зоологии, геологии, палеонтологии, доисторической археологии и, наконец, в этнологии.

В этой разнообразно составленной программе еще раз видно, что А н у ч и н предъявляет широкие требования к антропологии и требует от ученого не замыкаться в рамки узкой специализации. Здесь, как и в других своих высказываниях, он желает, чтобы ученый мог наблюдать в жизни сразу большие и сложные комплексы.

А н у ч и н строит программу по преподаванию антропологии как предмета естественно-исторического. Антрополог, изучающий только кости, внутренние органы и внешние признаки человека, никогда не будет тем широко образованным ученым, который, по А н у ч и н у, может и должен стоять в общем ряду естествоиспытателей.

Какое состояние антропологической науки в России застал А н у ч и н по своем возвращении из-за границы, об этом можно дать понятие, напомнив кратко об истории антропологии в России до А н у ч и н а. Первые самостоятельные антропологические работы стали появляться в России около 50-х годов прошлого столетия, «да и те,—говорил А н у ч и н—были обязаны сначала ученым немцам, преимущественно К. Э. Б э р у». Карл Б э р (1792—1876), родом из Эстляндии, окончил Дерптский университет и был профессором анатомии и эмбриологии в Кенигсбергском университете. В 1865 г. Б э р в журнале «Натуралист» поместил на русском языке статью «Место человека в природе», в которой бывший сторонник прогрессивных воззрений в биологии выступил решительным противником Д а р в и н а. Б э р у, правда, русская наука обязана организацией некоторых русских экспедиций, давших ценные антропологические материалы, и устройством в Петербурге Антропологического музея Академии наук.

В итоге анатом и эмбриолог Бэр по антропологии дал весьма немного науке, а его антидарвинистский поход в статье «Место человека в природе» обесценивает и всю его научную деятельность в изучении человека.

Анучин отмечает значение Бюффона, который в 1740 г. в III томе его «Естественной истории животных» коснулся вопросов о происхождении человеческих пород, влиянии среды, некоторых аномалий и человека и т. п. «Поэтому, — говорит Анучин, — не без основания Топинар и другие французские антропологи считают Бюффона отцом антропологии, первым, кто стал более подробно рассматривать человека, как естественно-исторический вид» (там же). Сам Анучин ведет линию антропологии от Линнея, который в своей «Системе природы» (1735 г.) человеку впервые отвел место в зоологической системе, в классе млекопитающих и в отряде приматов (*Primates*) как роду и виду *Homo sapiens* с подразделением его на 4—5 разновидностей. Признавая также роль Бюффона и других зоологов, Анучин особенно выделяет Блуменбаха, «положившего основание сравнительному изучению анатомических особенностей человека сравнительно с организацией высших животных».

Значение зоологии для вопросов антропологической науки Анучин мог оценить, еще занимаясь в университете у Усова и Богданова, он и позднее признавал и ценил антропологов-зоологов, антропологов сравнительных анатомов и привлекал их к общему сотрудничеству в Антропологическом отделе Общества любителей естествознания (Минаков, Богоявленский, Воробьев, Кисель и др.).

Другое, культурно-историческое, течение в антропологии, которое началось еще в XVII столетии, привлекло внимание Анучина к таким темам, как древнейшие стадии человеческой культуры, происхождение языка и о происхождении самого человека. Догадки, высказанные разными учеными о животном происхождении человека, «нашли себе более полное выражение в гипотезе Ламарка (1809), как бы завершившей собою этот революционный период в истории науки о человеке» (там же).

В связи с изучением первобытных племен на рубеже XVIII и XIX вв. появляются специальные сочинения по естественной истории человека. Анучин видит в них недостаточность данных и отсутствие определенного критерия, и это было причиной значительных разногласий в разделении племен, ими были вызваны тенденции моногенистов и полигенистов, причем последние «склонны были видеть в расах нечто аналогичное видам, т. е. столь же обособленное по своим признакам и происхождению». Попытки связать естественно-историческое познание человека с историческим были неудовлетворительны из-за отсутствия определенного научного критерия. Кроме того, у представителей естествознания, благодаря авторитету Кювье, еще господствовала теория постоянства органических видов. В геологии еще признавались последовательные геологические периоды, разобщенные между собой какими-то мировыми переломками («катаклизмами»), и это привело к утверждению о расчленении органического мира на обособленные, различные между собою, типы в прошлом.

Сам Анучин, широко осведомленный в разных областях знания, так резюмирует этот этап развития в истории антропологической науки:

«Успехи в соприкасающихся областях знания и повели, в конце концов, к новому расцвету антропологической науки. Прогресс в понимании геологических явлений привел к убеждению в искусственности теории

катаклизмов и в большей вероятности постепенного изменения силами, действующими и в настоящее время, хотя и проявившимися, может быть, некогда более интенсивно, чем теперь. Наконец, сравнительное изучение строения существующих форм дало указания на явные черты сходства между ними, открывающегося часто еще полнее из изучения эмбрионального развития, а наблюдения над видами, склонными к варьированию, и над образованием пород культурных растений и домашних животных навели на мысль о способности организмов к более или менее значительным изменениям, которые требовали только более систематического и внимательного их изучения с точки зрения условий и способов их образования, чтобы привести к убеждению в изменчивости органического мира, а следовательно и в возможности его постепенной эволюции. Убеждение это требовало однако солидного научного обоснования, подтверждения его возможно большим числом приведенных фактов, объяснения достаточно вероятной и полной теорией, и это было дано великим учением Дарвина, с которым сошелся в выводах и другой известный натуралист Уоллес... Касаясь вероятных последствий принятия его теории, Дарвин так выразился: «Новый свет будет пролит на происхождение человека и на его историю» (разрядка моя. Вл. Б.).

Приведенными словами Анучин высказал свое понимание антропологии, как науки. Он не мог быть и не должен был в то время являться узким специалистом. Вопрос о человеке он ставит широко, потому что история человека есть лишь эпизод в истории Земли. Он знает, что изменчивость организмов есть основной закон эволюции. Он, наконец, не только не испугался, подобно Бэру, смелого учения Дарвина, но назвал его великим, потому что оно солидно научно обосновано, подтверждено большим числом проверенных фактов, объяснено достаточно вероятной и полной теорией.

«Значение антропологии, — пишет Анучин, — как отрасли естествознания, имеющей задачей изучение коллективного человека, во всем разнообразии его типов в пространстве и во времени, признавалось уже давно выдающимися мыслителями и стало особенно очевидным в новейшее время. Тем не менее, с одной стороны, недостаточная определенность ее задач и границ, а с другой сведение некоторыми ее содержания к узкой краниометрии — не могло не отразиться на ее положении в системе наук, не вполне выяснившемся еще и в настоящее время» (там же, стр. 33).

О том, какие вопросы в антропологии являются важнейшими, первоочередными, Анучин ясно высказался в интересном докладе «О задачах и методах антропологии» перед членами VIII съезда Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова в Москве в январе 1902 г. (Напечатан в Русск. антроп. журн., № 1, 1902, стр. 62—88).

В этой речи Анучин, определяя значение теории естественного отбора Дарвина, сказал: «В самом процессе эволюции никто теперь не сомневается, ибо он доказывается всеми данными палеонтологии, эмбриологии, сравнительной анатомии, систематики и т. д. Человек не мог избежать общего закона; последовательная эволюция его типа из животного указывается уже анатомическим анализом его строения и историей его эмбрионального развития, но наибольшее выяснение она может получить, конечно, из палеонтологии, из нахождения ископаемых остатков человека и его предшественников». Указав далее на остатки из пещер Неандертальской и *Spru*, а особенно остатки в плиоценовых

отложениях на о-ве Яве (*Pithecanthropus erectus*), А н у ч и н заключает: «В будущем, по всей вероятности, отыщутся и другие остатки этих предшественников человека, но и найденных уже достаточно для того, чтобы признать, что происхождение человека относится к глубокой древности и что эволюция его типа должна была происходить в течение многих тысячелетий, даже десятков тысяч лет, через посредство ряда давно вымерших форм, связывавших его последовательно с более низшими формами в зоологической системе» (там же, стр. 68—69).

«Уяснение вопроса о древности и происхождении человека составляет бесспорно один из важнейших вопросов антропологии, ибо с ним связано более глубокое понимание физической и психической природы человека» (там же, стр. 70). С вопросом о происхождении человека А н у ч и н связывал свою работу об антропоморфных обезьянах, работу, которая, как отмечает В. В. Бунак, не имеет себе равной на русском языке и до настоящего времени. В ней собрано все, что было известно по анатомии скелета, мускулатуры, мозга высших приматов.

Вопрос о происхождении человека был одним из основных, о котором он читал курс в Московском университете, в том числе и последний свой университетский курс. Эту же тему А н у ч и н разрабатывал и для более обширного круга читателей. В «Итогах науки» за 1912 г. вышел его очерк: «Происхождение человека и его ископаемые предки»; в журнале «Природа» за 1916 г. напечатан его очерк «К вопросу о древнейших людях»; в Государственном издательстве вышло отдельной книгой «Происхождение человека», 1922 г.

Не менее важным вопросом антропологического изучения человека «является выяснение особенностей и пределов изменчивости расовых типов современного человечества, прилагая слово «современный» в геологическом смысле, т. е. включая все разновидности человека, современные и вымершие, признаки которых более или менее доступны нашему изучению» (там же, стр. 70). Здесь переплелись два вопроса: о расовых типах и об изменчивости их. В том же докладе А н у ч и н говорит о расе так: «То, что мы называем расой, типом, есть нечто отвлеченное, есть идеал (разрядка моя В. В. Б.), к которому более или менее приближаются отдельные особи. В действительности мы имеем дело только с отдельными особями, несущими на себе, каждая, индивидуальные черты, из сопоставления коих мы должны еще вывести общий тип или выделить несколько типов, если таковые имеются» (стр. 67).

Изучение физических типов у разных народов мира А н у ч и н, конечно, считал основной задачей антропологии. Что же касается классификации физических типов по тем или другим категориям, то этот вопрос А н у ч и н считал особенно трудным, причем он указывал на недостаточность собранных антропологических данных. Рассматривая разные попытки «классификации рас» (в статье «Расы» в Энциклоп. словаре Брокгауза), А н у ч и н приводит таблицу классификации, предложенной Деникером, и говорит: «Попытку комбинации различий по форме волос и цвету кожи, с различиями по форме черепа, носа, величине роста и т. д., представляет классификация Деникера (1889). Он принимает 13 главных рас, а со вторичными подразделениями — 30 типов. Классификация эта наглядно показывает, как трудно провести детальное подразделение рас, признаки которых вообще выражены не резко и переходят одни в другие. Каждая раса состоит из множества особей, представляющих индивидуальные особенности и многочисленные

переходы к типам других рас». Иначе говоря, следует прийти к выводу, что все существующие физические типы человечества представляют собой «многочисленные переходы» одних типов к другим, и их невозможно разделить на какие-нибудь группы или категории физических типов, обособленные друг от друга. Говоря далее о типе негра, австралийца, негритоса, монгола, еврея, патагонца, блондина-германца и т. д., т. е. о физическом типе той или другой народности, определяемой по признаку языка, Анучин говорит: «Но полное воплощение этих типов встречаются сравнительно редко, и мы видим гораздо чаще смешанные или переходные типы» (разрядка моя. В. В. Б.). «Это объясняется, говорит Анучин, прежде всего тем, что род человеческий представляет собственно один вид, и самые обособленные его разновидности имеют лишь значение подвидов. Другими словами, все человечество происходит от одних и тех же общих прародичей, потомство которых лишь постепенно образовывало различные расы», т. е. физические типы.

«Сходство всех известных рас, — говорит Анучин, — в основных физических и психических признаках и способность всех их, в том числе и наиболее обособленных, например, негра и белого, к половому смешению и к производству помесей, говорят в пользу того, что все человеческие разновидности составляют варианты одного и того же вида» (РАЖ, I, 1901, стр. 69). В этом направлении Анучин написал несколько крупных работ о физических типах некоторых народностей. Одной из первых выдающихся работ является его большая монография «Материалы для антропологии Восточной Азии. I. Племя айнов» 1874. В этой работе Анучин выявил образцовый метод исследования и дал тщательный сравнительно-морфологический анализ частей скелетов айнов. Работа вызвала большой интерес в иностранной антропологической науке.

Несколько позднее, в своем очерке «Япония и японцы» (1904) Анучин дал прекрасную характеристику антропологического состава в физическом типе японцев, в том числе и айнских элементов.

Другая работа Анучина — «О некоторых аномалиях человеческого черепа и преимущественно об их распространении по расам» — явилась результатом его занятий во время заграничной командировки. Она, говорит В. В. Бунак, является и до настоящего времени одной из основных антропологических работ, знание которой необходимо каждому специалисту». Тщательной статистической разработкой отличается большая монография Анучина «О географическом распределении роста мужского населения России» (1889). Анучин уделял немало внимания физическому типу и других народов как в своих статьях, так и в рецензиях: евреям, японцам, германцам, грекам, армянам, ацтекам, неграм, полинезийцам и т. д.

Русские антропологи, большею частью ученики Анучина, написали не малое число ценных антропологических монографий, посвященных антропологическим типам отдельных народностей: монголов, поляков, евреев, грузин, русских и т. д. Так как понятие «народность» не совпадает с понятием «раса», то они имели дело с не менее сложным вопросом выяснить антропологические типы, вошедшие в состав той или другой народности. «Постепенно тип той или другой страны, — пишет Анучин, изменяется. Так, например, современное население Германии и славянских стран значительно разнится — по крайней мере по цвету волос и форме черепа — от населения тех же стран в V—X вв. В общем, нельзя не признать, что в Европе различие типов, с течением времени, сглаживается: вырабатываются общие средние расовые типы, предста-

влияющие множество индивидуальных, отчасти также групповых вариаций» (Расы, словарь Брокгауза) .

Ученики А н у ч и н а накопили большой материал по данному вопросу в своих антропологических монографиях. Все они обращались к историческим судьбам изучаемой народности, территориальным передвижениям, смешениям с другими народами и т. д. И тем самым вопрос об основном расовом типе, преобладающем в изучаемой народности, делался более определенным, но и требовал более сложного анализа.

Хорошо помню, как в конце диспута А. Д. Элькин да на его диссертации о евреях, А н у ч и н задал такой вопрос:

— Вы рассмотрели все материалы, какие только можно было рассмотреть, дали характеристику и одного и другого типа, и третьего и т. д. Ну, а основной тип еврея каков же будет? Каковы его основные физические признаки?

А. Д. Элькин д, смутившись и подумав немного, сказал:

— Не знаю.

— И я не знаю, — сказал А н у ч и н.

А н у ч и н вообще смотрел на вопрос о генезисе физических типов, как на один из труднейших. Однако, говорит он: «несмотря на все трудности вопроса о генезисе типов, выяснение его должно составлять бесспорно одну из главных задач антропологии» (РАЖ, 1, 1901, стр. 71).

Таково вкратце содержание тех основных вопросов антропологии, которым А н у ч и н посвятил значительную часть своей жизни и научной деятельности. С ними он выступил и на кафедре антропологии в Московском университете, которая впервые в России была создана здесь специально для А н у ч и н а.

В университете А н у ч и н стал читать курс физической антропологии. Но с 1885 г., с введением в действие нового университетского устава, не признавшего ранее учрежденной кафедры антропологии, А н у ч и н был назначен профессором на кафедру географии сначала при историко-филологическом факультете, потом (с 1888 г.) эта кафедра была переведена на естественное отделение физико-математического факультета. Несмотря на формальное непризнание министерством народного просвещения кафедры антропологии, А н у ч и н, по предложению физико-математического факультета, не прерывал своего курса антропологии. Слишком был велик научный авторитет А н у ч и н а, чтобы можно было его отстранить от антропологии министерскими распоряжениями. Лишь при советской власти в 1918 г. А н у ч и н у удалось восстановить кафедру антропологии в университете.

Кроме физической антропологии, А н у ч и н читал еще курсы: происхождения человека, палеоантропологии, истории антропологии, доисторической археологии, общей этнологии и др. Своими лекциями и практическими занятиями со студентами А н у ч и н создал целую антропологическую школу.

Много дал А н у ч и н своим непосредственным ученикам, антропологам, продолжавшим при нем и после него служение антропологической науке и просвещению. Для более углубленного и наглядного освоения антропологии, он создал для университетских студентов-антропологов первый в России антропологический музей (если не считать Бэрвского музея антропологии), в основу которого легли богатейшие коллекции Московской антропологической выставки 1879 года, той выставки, которую А н у ч и н начал готовить еще в Париже во время своей командировки. Музей А н у ч и н а, однако, много потерял из своих коллекций

из-за долгого отсутствия помещения для него в университете. На первое время он приютился в Историческом музее, но зато должен был передать ему значительную часть своих коллекций по доисторической археологии Европейской России, Кавказа и Сибири. С осени 1906 г. Антропологическому музею пришлось перебраться в тесное помещение университета, часть коллекций свернуть, а часть передать другим музеям. И все же Московский антропологический музей оставался одним из лучших учебных музеев не только у нас, но и за границей. В бытность мою в Цюрихе в 1901 г. лучший профессор антропологии того времени доктор Мартин отзывался об анучинском музее, как о недостижимом для него идеале. История музея описана в статье Анучина «Антропологический музей Московского университета» (РАЖ, 1907).

В советское время анучинский антропологический музей получил наилучшие возможности для своего расширения, пополнения коллекциями, обслуживания специальным штатом сотрудников и наглядной экспозиции. Кроме кафедры антропологии и Антропологического музея, при кафедре был учрежден Институт антропологии, которому в 1923 г. Народный комиссариат просвещения присвоил имя Анучина.

Если одну антропологическую школу Анучин создал в университете для студенческой молодежи, то другую антропологическую школу он создал в антропологическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии для начинающих антропологов и для ученых из смежных специальностей, которые благодаря Анучину углубляли свои биологические, психологические, географические и другие специальные знания о человеке данными антропологической науки. Антропологический отдел общества стал существовать и работать вместе с возникновением самого Общества в 1863 г., когда в России под влиянием бурного роста естествознания в Западной Европе, особенно после появления «Происхождения видов» Дарвина, начался сильный рост интереса к естественным наукам не только в академической среде, но и в широкой общественной среде. На долю антропологии выпала особо ответственная роль быть проводником в обществе естественнонаучных идей о человеке.

В ноябре 1874 г. Анучин был избран действительным членом Общества, в марте 1875 г. выступил в заседании антропологического отдела с большим докладом о племени айнов, в том же заседании был избран секретарем отдела. В 1876—78 гг. как уже раньше сказано, был в заграничной командировке; по возвращении из-за границы стал товарищем председателя, а с 1894 г. председателем антропологического отдела. Своим организационным талантом, богатой научной эрудицией, серьезной методической и идеологической постановкой научных вопросов на заседаниях отдела и в печатных изданиях Общества Анучин привлек в отдел не только своих молодых учеников по университету, но и многих профессоров, доцентов других кафедр, многих врачей, геологов и прочих специалистов, которые начинают появляться в уютных аудиториях Политехнического музея, делают доклады, дискутируют вопросы, доставляют свои рукописные труды для печати.

Из этих докладов и дискуссий в аудиториях Политехнического музея создавалось много докторских диссертаций антропологов, анатомов, врачей; в них нередко выступали различные специалисты не только по физической антропологии но и по этнографии, как Вл. Л. Комаров — о населении Камчатки, по доисторическим памятникам, по исторической геологии четвертичного периода (А. П. Павлов), врачи В. В. Во-

робьев, В. Э. Дзержинский, П. П. Тутышкин, специалист профессор судебной медицины П. А. Минаков, бывшие политические ссыльные Ф. Я. Кош, В. Г. Богораз, Вл. Ил. Иохельсон, Ив. Ив. Майнов и многие другие. Из студенческой молодежи следует назвать многолетнего секретаря отдела, основателя «Русского антропологического журнала» А. А. Ивановского, А. Н. Джавахишвили, И. П. Силинича, А. Д. Элькинда. Позднее к ним присоединились Е. М. Чепурковский, д-р Кисель, д-р Игнатьев, д-р В. Н. Розанов, особенно деятельный и плодотворный в своих антропологических работах В. В. Бунак, Н. А. Синельников и другие.

Анучин на всех заседаниях Антропологического отдела был неизменным председателем и руководителем. Каждый докладчик особенно дорожил замечаниями и указаниями Анучина, хотя бы они были и отрицательные по его докладу. Интерес к суждениям и мнениям Анучина был особенно велик. Нет ничего удивительного, что Антропологический отдел стал второй антропологической школой Анучина не только в Москве, но по общему признанию русских и иностранцев антропологическим научным центром России. К этому надо присоединить основанный в честь Анучина руководящий орган антропологического отдела — Русский антропологический журнал (с 1900 г.), а также «Труды Антропологического отдела», в которых напечатано было много монографий, диссертаций и докладов.

Огромный объем проработанного фактического антропологического материала, критически обсужденного и проверенного под зорким наблюдением Анучина его учениками и сотрудниками, представлял и представляет до настоящего времени целую энциклопедию антропологических знаний. Если бы Анучин даже ничего не написал и не напечатал, то одни только доклады, дискуссии и печатные труды второй анучинской антропологической школы по праву могли бы считаться большим научным достижением самого Анучина.

Анучин видел в коллективном труде своих учеников и сотрудников единственную возможность поставить на реальных основах антропологическое изучение многочисленных народов нашей страны. Обладая сам колоссальными знаниями и большим исследовательским опытом, Анучин не мыслил однако и своей собственной научной работы вне коллектива. Его большие монографии это — лишь небольшая часть из общей программы русской антропологии. Вместе с тем он брал на себя, сознательно и авторитетно, роль руководителя антропологического коллектива, в котором он играл роль старшего товарища.

Анучин в дискуссиях никогда не допускал резких выступлений против личности ученого, но против ошибок и заблуждений он шел со всей откровенностью. Это вело к тому, что даже начинающие авторы искали возможности услышать критику Анучина на свои выступления.

В своих многократных критических выступлениях против нелепостей и ошибок в антропологической науке Анучин дал такой запас настоящих знаний, и при том на примерах поучительной дискуссии, что его даже небольшие заметки или рецензии могут стать в уровень с подлинными научными трактатами. Анучин никогда не писал своих критических рецензий и заметок, чтобы только отписаться, сказать что-нибудь. Все новое, что появлялось, он ставил на свое место в науке, определял его действительное значение, давал ему заслуженную оценку. Критическая деятельность Анучина в антропологии и в других специальностях вы-

звала самые лучшие чувства к нему и прежде всего уважение к ученому, всегда отстаивавшему правоту и достоинство науки.

Этнология и доисторическая археология, как уже было сказано, входили тоже в круг антропологических интересов Анучина. В отличие от таких писателей этнографов, как А. Н. Пыпин с его «Историей русской этнографии» или Бэр, Надеждин, Анучин ставит этнологию на прочную базу аналитического метода, отвергая тот повествовательный и описательный характер науки, который встречается у вышеупомянутых авторов. В своей статье «О задачах русской этнографии» в первой книге журнала Общества любителей естествознания «Этнографическое обозрение» (1889 г.) Анучин отмечает главнейшие слабые стороны высказываний Пыпина, Бэра, Надеждина и других. Он не согласен с Пыпиным, который «распространяется почти исключительно о собирании этнографического материала». «Одною из ближайших нужд этнографии, — говорит Анучин, — должно считаться сведение воедино разбросанных сведений», — о различных изученных народах России и о частях самого русского народа. И он дает обстоятельное наставление для такого рода работ, в частности для обработки этнографических данных в целые этнографические монографии. «Этнография, — говорит он дальше, — не может быть наукой чисто описательной, и ее конечные задачи должны заключаться в объяснении и истолковании фактов народной жизни, взаимного отношения и распределения племен». По связи с этим Анучин предпочитал термину «этнография» термину «этнология». Дав подробный перечень примерных вопросов для такого рода исследований, Анучин указывает, что здесь должны быть подвергнуты изучению серьезнейшие проблемы народной нравственности и общественности, социального мировоззрения в историческом аспекте древнейших пережитков материнского права и более поздних понятий и обычаев феодализма». «Данные этнографии, — заканчивает Анучин, — могут быть важными свидетельствами в вопросах, касающихся организации и улучшения быта, и с ними нельзя не считаться при всякой серьезной реформе крестьянских отношений и порядков».

Анучин читал курс этнологии (как уже сказано выше, он предпочитал этот термин слову этнография) в Университете при кафедре антропологии. И это был также первый настоящий курс по разным разделам этнологической науки (материальный быт, социальный строй, духовная культура), первый в таком виде в русском университете. Когда в 1913 г. умер всеми уважаемый и ценимый председатель Этнографического отдела Общества любителей естествознания академик Всев. Фед. Миллер, Анучин был единственным, кто мог продолжать его дело в Этнографическом отделе, что он и выполнял до последнего дня жизни.

Научные работы самого Анучина по этнологии отличались не меньшей методичностью, тщательностью анализа и содержательностью построения, чем и его работы по антропологии. Из наиболее крупных его этнологических работ следует отметить такие, как «Лук и стрелы. Археолого-этнографический очерк», 1881, обративший на себя большое внимание заграничных ученых; «Сани, лады и кони, как принадлежности похоронного обряда. Археолого-этнографический этюд», 1890 г., удостоенный большой золотой медали Русского археологического общества в Петербурге; «К истории ознакомления с Сибирью до Ермака», древнерусское сказание «О человецах неизвестных в восточной стране», 1890 (переведена в Вене на немецком языке); «Праздник воскресения до христианства» и другие. Он много помогал советами и руковод-

ством нашим этнографам, находившимся в ссылке, о чем они и сами вспоминали, приветствуя Анучина в день его 70-летия. Это — Иохельсон, Богораз, Виташевский, Ионов, Лукашевич, Майнов, Морозов (шлиссельбуржец), Новорусский, Пекарский, Редько и другие.

Остановлюсь кратко на характеристике тематической и методической стороны некоторых этнографических работ.

Работа «Лук и стрелы» обратила на себя внимание как только она была напечатана (1887) и в большей мере за границей. Хранитель этнографического музея в Оксфорде Бальфур ознакомился с ней в русском оригинале (через читавшего по-русски Морфиля). Бальфур воспользовался этим исследованием для своей работы о сложном луке, вследствие чего работа Анучина стала интересовать западноевропейских ученых. Ею заинтересовался и лейпцигский профессор Ратцель, который обратился прямо к Анучину с просьбой прислать ему ее. Так узнали и оценили работу Анучина в Европе. А в России в 1896 г. некий С. Б. в Энциклопедическом словаре Брокгауза («Лук») и не подозревал о существовании Анучина и его исследования.

Лук и стрелы, которым посвящена статья Анучина, являются одним из древнейших метательных орудий большей части народов мира. Стрелы были находимы еще в палеолитических стоянках и сохранились в быту некоторых народов до самого последнего времени. Анучин задался целью объяснить технику и динамику метания стрел с помощью лука у разных народов мира. Аналогичные исследования по первобытной материальной культуре стали развиваться впоследствии на разные другие темы, но главным образом, на Западе, где для таких исследований имелось большое количество музейных доисторических и этнологических коллекций. Работа Анучина положила и у нас начало подобным лекциям и исследованиям.

Другая этнологическая монография Анучина «Сани, лабя и кони, как принадлежности похоронного обряда» (1890) была также предметом усиленного интереса со стороны иностранных ученых, была реферирована на иностранных языках и у нас, как выдающийся труд по теме и исследованию.

Оригинальную тему и остроумную методику разработал Анучин в монографии «К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнее русское сказание «о человецех незнаемых в восточной стране» (1890). В этой монографии Анучин задался целью раскрыть загадочные указания рукописного памятника XV века «О человецех незнаемых». Памятник этот был известен историкам и историкам литературы в нескольких списках. Фирсов признал его «фантастическим описанием, трактующим о так называемой самоеди».

Анучин, приведя текст памятника, приступил к его анализу не как историк литературы, а как этнолог, обративший прежде всего внимание на то, что памятник дает древнейшие сведения русского народа о Западной Сибири в XV столетии.

«Пробегая, — пишет Анучин, — приведенное нами новгородское сказание, мы можем различить в нем известия о девяти родах людей (племенах или народностях), которые все вообще называются «самоедь», хотя относительно двух из них этого обозначения не употреблено. Эти девять племен называются или определяются так: 1) Самоедь — Молгонзеи, людоеды; 2) Линная Самоедь; 3) Самоедь — «по пуп мохнатая по долу»; 4) Самоедь со ртом на темени; 5) Самоедь умирающая (замер-

зающая) на зиму или на два месяца; 6) Люди вверх Оби, живущие в земле; 7) Безголовая самоедь — со ртом между плечами и с глазами в груди, стреляющая из железных трубок; 8) Люди, ходящие «по под землею» около озера, на котором есть мертвый город, где происходит немой торг; 9) Каменская самоедь, которая «облежит» около Югорские земли».

Прочитавши подлинную рукопись или даже эту классификацию племен, выписанную А н у ч и н ы м, неподготовленный читатель должен был бы сказать: «Оставь надежду навсегда».

Но А н у ч и н, шаг за шагом раскрывает перед читателем, что это за племена и откуда к ним пришла фантастическая характеристика рукописного памятника. Здесь нет возможности хотя бы кратко познакомить с этим оригинальным, остроумным, научно-документальным анализом, в результате которого А н у ч и н представил яркую этнографическую карту Западной Сибири до Кольванского озера включительно «в рудоносном западном Алтае». Весь текст, рисунки и старинные карты читаются и смотрятся с исключительно интересом.

Эти три этнологические статьи А н у ч и н а уясняют его мысль: как надо понимать задачу этнологии (этнографии) — «сведение воедино разбросанных сведений» о различных изученных народах России и о частях самого русского народа. Есть у него и мелкие (по размеру) статьи, но очень важные по содержанию, как например: «Древний серебряный остяцкий идол», «Символы власти и обряд коронавания у различных народов», «К истории искусства и верований у приуральской чуди», «Праздник воскресения до христианства» и другие.

Развитию руководящей роли А н у ч и н а в коллективе московских этнографов не благоприятствовало то обстоятельство, что в Этнографическом отделе Общества любителей естествознания значительная часть этнографов и их интересов падала на вопросы народного творчества, отчасти верований, и меньше всего на материальную культуру, предмет особых интересов А н у ч и н а.

Для других этнологов, которые больше обращали внимания на эволюцию быта и творческие способности народа, только через много лет стало ясно, насколько А н у ч и н был прав, привлекая внимание исследователей к основным движущим силам общества.

Остается еще сказать несколько слов о специально археологической деятельности А н у ч и н а. Кроме тех раскопок, которые А н у ч и н произвел во Франции во время своей командировки и о которых уже было сказано, А н у ч и н раскопками в России вообще не занимался. Лишь в 1882 г. он совершил поездку в Дагестан. Но, как знаток археологической литературы и музейных собраний, А н у ч и н занял руководящее положение среди русских археологов.

Подготовленными археологами Россия была бедна. На поприще археологии выступали обыкновенные любители, в лучшем случае — историки, которым, однако, не доставало знакомства с западноевропейской наукой. Такая, например, задача, как археологическая карта России, требовавшая коллективного труда компетентных археологов, много раз выдвигалась как очередная задача. Но за ее выполнение некому было взяться. Даже хорошей сводки по археологии России они не могли дать.

Уже в 1882 г. в своей обстоятельной (42 стр.) рецензии на работу А. С. У в а р о в а «Археология России. Каменный век», а также в рецензии на книгу П. П о л е в о г о «Очерки русской истории в памятниках быта. I. Древнейший период» — А н у ч и н выступал во всеоружии

археологической науки. После смерти Уварова он является фактическим руководителем Московского археологического общества, хотя формально числится в звании товарища председателя (при председателе П. С. Уваровой). В Археологическом обществе и на археологических съездах выступления Анучина давали действительно научное направление русской археологии, противопоставляя его домашнему любительству, которое нередко встречалось в среде русских археологов. Никто, кроме Анучина, не мог в то время дать для словаря Брокгауза такого научно-ценного очерка о достижениях русской археологии, какой он поместил под заголовком «Россия в археологическом отношении», 1899.

В этой статье Анучин подвел итоги русским археологическим работам. Несмотря на то, что таких работ к этому времени было уже не мало, особенно благодаря деятельности Московского археологического общества и созываемых им археологических съездов, все же археология еще не могла дать решений самых существенных вопросов доисторической культуры России: ни по палеолиту, ни по неолитическим культурам, ни по бронзовому веку. Даже богатые открытия по культуре скифов и сарматов трактовались противоречиво; готская культура II—IV ст. н. э. была почти необъяснима, «и обыкновенно, — говорит Анучин, — в классификации русских древностей за скифо-сарматской эпохой ставят непосредственно славянскую, начиная ее с V или VI века». Но сам Анучин приходит к заключению, что славяне жили в юго-западной России со времен незапамятных, может быть, с эпохи каменного века, но не выступали, как господствующее племя и были известны под другими названиями. «Древнейшие археологические эпохи в пределах России еще недостаточно исследованы» — пишет Анучин.

Чтобы найти из этого некоторый выход, Анучин проводит мысль о важности сравнения фрагментарных данных по доисторическим древностям Восточной Европы с наиболее изученными данными западноевропейской археологии. Поэтому он приветствует труд чешского археолога Любора Нидерле «Человечество и доисторические времена», который захватывает и Россию. Анучин принимает на себя редактирование его русского перевода, давая дополнительные к нему замечания по данным русской археологии.

Кроме того, Анучин принимает самое деятельное участие как в разработке отдельных археологических тем, так особенно в критическом разборе работ русских археологов на съездах, в собраниях и в печати. Он один из первых дает правильную оценку древностям Минусинского музея, бронзовая культура которого связывала Восточную Европу с Сибирью, он много уделял внимания следам бронзового века в Прикамье, так называемым «чудским древностям», а также и новейшим периодам славянских древностей.

Доисторическую культуру Анучин воспринимал не только в отношении человека и его деятельности, но и по связи доисторической культуры с географической средой. Со всей широтой понимания вопроса Анучин дал прекрасное изложение этой темы в словаре Брокгауза в обстоятельной статье «Доисторическая эпоха». Много интересных и важных отзывов им написано на труды по доисторической археологии Шантра, о древностях русских музеев, об антропологической выставке и др. В 1890 г. Анучин напечатал «Исторический очерк деятельности русских археологических съездов». Писал много руководящих заметок, как например: «*L'époque paléolithique dans les environs de la ville de Novgorod*» (в добавление к слабой статье Передольского).

Новейшая классификация доисторических эпох г. де-Мортилье» и другие. Анучин был редактором нескольких переводов археологических работ на русский язык, дополняя переводимых иностранных авторов, не знавших археологии России, специальными заметками и примечаниями по русским исследованиям и источникам. Кроме указанной выше книги Л. Нидерле «Человечество в доисторические времена», следует отметить предисловие Анучина к русскому переводу книги Обермайера «Человек в его прошлом и настоящем».

Итак, широко воспринимая объем антропологической науки, как физическую антропологию, этнологию и доисторическую археологию, Анучин дал ей действительно научное направление на уровне самых прогрессивных течений естественных наук в Западной Европе.

Анучин взял на себя большой и ответственный труд ввести в своей стране науку о человеке и его культуре на основе великого учения Дарвина и в объеме тех крупных достижений в антропологической науке, с которыми он ознакомился в конце 70-х годов прошлого столетия за границей. Как антрополог-дарвинист, Анучин особенно нам дорог. Когда такой крупный антрополог, как Рудольф Вирхов, высказывался против дарвинизма, Анучин, высоко ценя Вирхова, всегда возражал ему.

В русском университете и в общественной прессе тогдашней России не легко было ученому выступать с открытой пропагандой дарвиновского учения. Царские министры относились к антропологии подозрительно и ставили А. П. Богданову и Анучину разные препятствия, стремились затруднить университетское преподавание антропологии, мешать организации антропологической выставки, антропологического музея и т. д. Кафедру антропологии пришлось основать на пожертвованные средства, но царское правительство и такую ничего ему не стоившую кафедру ликвидировало.

Мало того, и в самом университете, в профессорской среде того времени шла глухая борьба против дарвинизма по разным кафедрам, особенно биологическим. Само студенчество несколько сдерживало их выступления против Дарвина. В бурные годы конца 50-х годов прошлого столетия, когда появилась знаменитая книга Дарвина и когда в России после мрачной николаевщины точно откуда-то вырвался шумный поток стремлений к естествознанию, некоторые из русских профессоров и ученых, и в том числе московских, на первое время были захвачены этим потоком и самим дарвинизмом. Но вскоре, несколько остывши от увлечения, некоторые из них, эти недавние дарвинисты, испугались Дарвина, как безбожника. И снова они стали искать бога и божественного разума.

Интересно отметить, что Сергей Александрович Рачинский, бывший профессор ботаники Московского университета, первый в России переводчик на русский язык книги Дарвина «Происхождение видов», отказался от учения Дарвина. Его перевод вышел вторым изданием в 1865 г., а в 1867 г. Рачинский вступил уже в ряды отступников.

Анучин в беседе со мной так отозвался по поводу Рачинского:

— Рачинский, хотя и барин, а не виляет хвостом перед дарвинизмом. Ведь он, поди, никогда и не был дарвинистом, хотя и перевел Дарвина. А вот у нас профессора есть, которых никак не разгадаешь, до какого места он дарвинист, а от какого его антидарвинизм начинается. У студентов такие за дарвинистов сходят.

Сам Анучин был нестигаемым дарвинистом. Он видел в эволюционном учении путь к прогрессу, светлое будущее науки. И учение Дарвина Анучин называл «великим».

Второй заслугой Анучина, как антрополога, перед русской наукой и просвещением надо признать то, что он в систему естественно-исторических наук ввел антропологию, как новую науку о человеке, о его происхождении, его физическом типе, его культуре в перспективе многовекового эволюционного пути единого человеческого рода. Он ввел в таком виде антропологию в университетское преподавание и этим расширил пределы университетских программ по естественно-историческим дисциплинам. Важно также и то, что Анучин в общественной и научной прессе, в общественных и научных собраниях, на съездах широко раскрывал содержание и значение антропологической науки, отводя ей одно из первых мест среди прочих наук.

— Никто,—говорил он в беседах со своими сотрудниками,—не может исполнить пожелание философа: «познай самого себя». Ни ботаник, ни зоолог, ни геолог, ни даже литератор или историк. Познавание человека доступно только антропологии.

В последние годы своей жизни Анучин хотел эту тему о познании человеком самого себя развить в виде целого научного трактата.

— Да вот, — говорил он при этом, — мешает мне Миклухо-Маклай.

Анучин заканчивал в это время свою затянувшуюся работу по подготовке 2-го тома сочинений Миклухо-Маклая.

Третьей заслугой Анучина, как антрополога, была его правильная и единственно эффективная установка научно-исследовательской работы — работы в коллективе и с коллективом. Анучин не мыслил себе прогресса науки, когда отдельные ученые пишут и печатают антропологические труды, хотя бы и самые гениальные. Гумбольдты в антропологии, думал он, имели бы гораздо меньше цены, чем массовые усердные и умные наблюдатели, собиратели, исследователи, которые умели бы классифицировать собранное, подводить их под единые принципы анализа и синтеза, давать обобщающие ответы на явления ограниченного круга познания. Без этих предварительных стадий антропологической науки всякое грандиозное построение научного исследования о человеке, о народах, о культурах не будет прочным и устойчивым и от него в конце концов едва ли что либо останется, тогда как добросовестно и талантливо собранные и исследованные объективные данные останутся всегда ценными и всегда нужными.

Анучин поэтому считал, что его роль в работе по антропологии ограничивается ролью старшего сотрудника в общем коллективе русских антропологов и обязанностью руководителя коллектива. В первом случае Анучин работал едва ли не усерднее всех прочих членов коллектива и, конечно, продуктивнее всех. Как руководитель русских антропологов, Анучин выполнял свою роль с таким успехом, который после него еще не повторился.

В результате такого понимания и направления своих работ в коллективе русских антропологов Анучин достиг очень многого. Прежде всего коллектив распространился по всей территории страны, представители его научных взглядов и интересов встречались в отдаленных местах, где работали политические ссыльные, давшие науке ценнейшие материалы и исследования по антропологии ранее совершенно неисследованных народов. В коллективе была возможность развиваться и разви-

лась специализация по отдельным разделам антропологической науки: по физической антропологии и ее подотделам, по общей этнологии, по доисторической археологии. Из прямых учеников А н у ч и н а можно было бы по именам перечислить многих, пошедших специально по всем трем разделам и значительно углубивших успехи антропологии.

Четвертой заслугой А н у ч и н а, как антрополога, являются его печатные антропологические труды. Не только его крупные монографии сохраняют свою силу и значение, такие, как монографии об айнах, об аномалиях человеческого черепа, о древних искусственно деформированных черепах, о распределении роста, о задачах русской этнографии, «Лук и стрелы», «Сани, ладья и кони» и многие другие, но и его менее крупные работы, особенно его рефераты и критические статьи продолжают сохранять цельный комплекс идей и знаний, очень нужных и полезных для нашего времени.

III. А н у ч и н географ

Кафедра антропологии в Московском университете законно просуществовала всего лишь 5 лет, с января 1880 г. до введения нового университетского устава 1884 г. Новый устав, как уже сказано выше, не признал антропологической кафедры, и А н у ч и н с 1885 г. занял вновь учрежденную кафедру географии и этнографии на историко-филологическом факультете, но продолжал преподавать антропологию на физико-математическом факультете, не имея там официально своей кафедры. Лишь с 1888 г., когда кафедра географии была переведена с филологического факультета на физико-математический, А н у ч и н свободно развил здесь свою преподавательскую деятельность и по антропологии и по географии, но опять же не имея утвержденной кафедры антропологии. Вынужденный переход А н у ч и н а на кафедру географии в 1880 г. некоторые биографы А н у ч и н а считали той случайностью, благодаря которой будто бы он и стал географом. До известной степени этот факт сыграл свою роль в истории преподавательской деятельности А н у ч и н а. Но это была не единственная и не первая причина, приведшая А н у ч и н а к занятиям по географии. А н у ч и н у еще на университетской скамье была близка и ясна та тема, на которую писал Бэр: «Место человека в природе». Но А н у ч и н этим вопросом интересовался не по-бэровски, не с тем, чтобы восстать против эволюционного учения Д а р в и н а, а как раз наоборот — чтобы, опираясь на эволюционную теорию, вскрыть необходимость понимания способности растительных и животных организмов к варьированию, т. е. к пониманию постепенной эволюции и самого человека, как одного из факторов природы. В силу этого А н у ч и н уже с университетской скамьи почувствовал призвание и интерес к естествознанию, в системе которого значится и география, или, как предпочитал ее называть А н у ч и н, «землеведение». Этим именем он назвал и свой замечательный журнал.

Еще задолго до 1885 г., т. е. до занятия кафедры географии, А н у ч и н обнаруживает интерес к естественным наукам. Он деятельно работает в Московском обществе акклиматизации животных и растений, избравшем его в 1871 г. своим действительным членом. В 1872 г. старейшее Московское общество испытателей природы избирает А н у ч и н а своим членом-корреспондентом, в 1882 г. действительным и в 1910 г. — почетным членом, а это Общество занималось почти исключительно геологией, зоологией и ботаникой, отнюдь не человеком. С 1873 г. в

известном журнале Сабанеева «Природа» Анучин печатает свои очерки по африканской фауне, по полярной фауне, по палеозоологии и другие.

В 1883 г. Анучин напечатал некролог «В. О. Ковалевский» (Речь и отчет Московского университета за 1883 г., М. 1884, стр. 226—281). В этом интересном очерке Анучин обнаружил свое глубокое понимание задач палеонтологии (тогда еще не всеми признанной) и ее основных задач, определяемых дарвиновской теорией. Замечательный палеонтолог Владимир Онуфриевич Ковалевский охарактеризован Анучиным со всей глубиной научного понимания его больших заслуг. Анучин не только сумел полноценно взвесить палеонтологические труды Ковалевского, но и метко определить место Ковалевского в истории этой науки. Он отмечает, между прочим, такой отзыв Кельнера: «Знаменитые работы Ковалевского, Рюггемейера, Марша и др., говорит Кельнер (Koelner, Die geologische Entwicklungsgeschichte der Säugethiere, W. 1882, S. 98), составляют standart works, в которых приведены доказательства, подтверждающие верность основных положений дарвиновской теории».

Сам В. О. Ковалевский писал, что «почти все чистые палеонтологи очень единодушно заявили свой протест» против новой теории. А Анучин выдвигает Ковалевского на одно из первых мест. «Хорошая палеонтологическая подготовка, специально по третичным млекопитающим, в связи с возможностью посвятить несколько лет занятиям в музеях, дали возможность В. О. открыть много новых материалов и выяснить себе отчетливее многие черты сходства и различий между отдельными формами». Перечислив музеи и коллекции, по которым работал Ковалевский, Анучин говорит: «Таким путем ему удалось дойти до более полного и верного понимания соотношений между различными ископаемыми формами и в конце концов до более ясного представления о генезисе различных групп копытных». Отмечая и другие достижения Ковалевского, Анучин, между прочим, приводит пример того, как Ковалевский обстоятельно разъясняет «кажущиеся противоречия» в эволюционной теории, как основательно и подробно разобрана им классификация копытных. «По массе собранных данных, по образцовому анализу их и по множеству рассеянных среди них общих объяснительных замечаний, — говорит Анучин, этот обширный мемуар (Monographie der Gattung *Anthracotarium* Gouv. und Versuch einer natürlichen Klassifikation der fossilen Hufthiere, 1876) долго еще будет служить руководящим сочинением при изучении ископаемых форм копытных животных».

В этой оценке В. О. Ковалевского для Анучина особенно характерно глубокое понимание предмета в свете новых идей, порожденных эволюционной теорией Дарвина. Характерно и то, что вопросы палеозоологии в нем вызывают острый интерес еще в начале 80-х годов. Наконец, важно отметить, что характеристика палеонтолога Ковалевского написана в 1883 г., т. е. до занятия Анучиным кафедры географии. Таким образом говорить, что Анучин не имел естественно-исторических предпосылок к общему землеведению, более чем неосновательно. Но, конечно, поглощенный в первый период научной работы антропологией, он до 1885 г. пока не углубляется в вопросы географии.

С 1885 г. Анучин — профессор географии. В эту область науки он вошел, как в хорошо знакомую и близкую ему среду, внеся в нее

свой труд, свою энергию и свои богатейшие знания едва ли не больше, чем в свою деятельность по антропологии.

Через шесть-семь лет после занятия кафедры географии Анучин дает обстоятельную статью о том, что такое география, как она появилась и развивалась в системе наук о Земле и как ее следует понимать («География», Энци. словарь Брокгауза, 15, стр. 377—390). В этой статье характерна оценка Анучиным той роли, которую сыграли в развитии географии Александр Гумбольдт, Карл Риттер, Пешель, Рихтхофен и Герланд. Эта оценка сделана весьма объективно, и в ней сказывается весь Анучин, как географ, с его всесторонним критическим анализом и большой эрудицией. Гумбольдта Анучин считал одним из наиболее видных ученых в истории общего землеведения. Главную его заслугу Анучин признавал в том, что он «сопоставлял свои наблюдения с другими известными в то время, анализировал их и стремился прийти к определенным обобщениям, уясняющим данную категорию явлений». В Карле Риттере Анучин также оценил его критическую работу в области географии, его критическую сводку сведений о разных странах, его научную методологию. Некоторые географы, особенно современники Риттера, ставили в особую заслугу Риттеру то, что он поставил человека на видное место в географии, в противоположность Гумбольдту, будто бы интересовавшемуся только анализом материальной стороны явлений.

Анучин, будучи не только географом, но в то же время и антропологом, оценивая роль человека в природе с точки зрения эволюционной теории Дарвина, признавал все же, что в специальных дисциплинах, как антропология и география, человек должен рассматриваться с разных сторон. Поэтому с точки зрения географии он считал, что роль человека в природе должна быть поставлена не на первое место, так как география есть землеведение, а не антропология. Вместе с тем он не согласился с вышеуказанным взглядом на Риттера, будто бы выдвигавшего человека на первое место в географии. «Риттер, — говорит Анучин, — высоко ценил собственно физическую географию, как об этом свидетельствует его обстоятельный анализ форм земного рельефа и его этюды по географическому распространению различных характерных растительных и животных форм».

Анучин высказывался и против другой крайности, существовавшей тогда у западноевропейских географов — против признания исключительного влияния географических условий на историю и культуру человека. Отмечая большое оживление в области научной и школьной географии, вызванное влиянием Риттера, Анучин указывает, как на отрицательное явление, на то увлечение историческим элементом в географии, которое повело к его преобладанию над естественнонаучным и «к поставлению на первый план влияния географических условий на человека и его культуру». Анучин считал этот взгляд глубоко неправильным и сам всегда смотрел на человека, как на особую «производительную силу природы» среди других ее производительных сил. Он об этом говорил особенно настойчиво, когда при Академии наук образовалась комиссия по изучению производительных сил (КЕПС), не пожелавшая включить человека в свою программу. Он отстаивал свой взгляд на роль человека в природе и позднее, когда при Госплане СССР образовано было Бюро по изучению производительных сил. Тем замечательнее, что уже в 1892 г. в цитируемой статье «География» он видит неверный путь в риттеровской постановке вопроса. Также не соглашался Анучин

и с переоценкой исторической географии в ущерб физической. «Дело дошло до того, — говорит Анучин, — что присяжные географы считали историческую географию за настоящее землеведение, а в физической видели только как бы введение к нему». И это говорит Анучин, который сам, силою независимых от него обстоятельств, вынужден был в 1885 г. читать «Курс лекций по истории землеведения», а в 1886—87 гг. — «Курс лекций по древней географии» (оба изданы литографским способом). Все это свидетельствует о том, насколько Анучин был объективен и реален в столь важном вопросе.

Против той реакции, которая была вызвана риттеровским направлением в географии, Анучин выдвигает в противовес ему оздоравливающую роль естествознания, особенно геологии, а также физики. Реалистическое мировоззрение Анучина, чуждое всякой мистики и метафизики, было на стороне этого течения, направленного против риттеровских поклонников из среды историков и филологов.

Анучин трезво отнесся и к Пешелю, который также выступил против Риттера. Один из образованнейших учеников Анучина — А. А. Крубер, сопоставляя Анучина с Гумбольдтом, Риттером и Пешелем, находил у Анучина «больше всего сродства с Пешелем, как по отзывчивости к темам, выдвигаемым современностью, так и по равномерному вниманию, которое оба эти ученые уделяли исследованию в области географии и народоведения, по склонности к историко-географическим изысканиям» («Памяти Д. Н. Анучина», *Землеведение*, 1924, I—II, стр. 36). Подмеченное здесь Крубером сходство — чисто внешнего порядка. Сам Анучин в указанной выше статье «География» дает характеристику Пешеля по высказываниям его сторонников и противников, и из нее можно заключить, что Анучин не мог разделять того направления в географии, которое дал ей Пешель. В оценке Пешеля Анучин выдвигал некоторые его заслуги в современной постановке новых проблем в географии, как например его талантливые очерки по сравнительной морфологии земной поверхности, которые впрочем быстро и устарели, по словам самого Анучина. Борьбу Пешеля против риттеровского направления Анучин считал также немаловажной заслугой, но относительно слабой, так как, не имея обширной естественно-научной подготовки, Пешель, говорит Анучин, не мог основательно опираться на данные естествознания. Итак, Анучин далеко не созвучен Пешелю.

Гораздо положительнее характеризует Анучин роль Рихтхофена в географии, которому он (а также Герланду) приписывает «самые обстоятельные новейшие определения задач, методов и подразделений географии». «Рихтхофен, — пишет Анучин, — полагает, что задача географии заключается в изучении поверхности земли, и вместо *Erdkunde* по его мнению, было бы правильное называть *Erdobflächenkunde*, подразумевая под поверхностью в данном случае сушу, и воздушную оболочку (лито-гидро-атмосферу) в их взаимодействии и включая также рассмотрение растительных и животных форм в их отношении к земной поверхности и человека — в его отношении к той же поверхности и к окружающим его животному и растительному миру». Далее о человеке Анучин делает характерную для него оговорку: «Рихтхофен выделил в особый отдел рассмотрение человека на том основании, что зависимость человека от окружающих условий складывается иначе, чем, например, у животных, благодаря умственному развитию человека, делающему его способным к культуре, к подчинению себе

до известной степени природы, к проявлению сознательной воли, причем его распределение по расам, племенам, народностям, языкам, религиям и т. д. является результатом множества отдельных причин, для объяснения которых одних биологических законов оказывается далеко недостаточным... География, по мнению Рихтхофена, тесно связывается с этнологией, антропологией, статистикой и является связующим звеном между естествознанием и историей».

Такой взгляд Рихтхофена на задачи географии ближе всего подходит к содержанию научных работ Анучина в той же области. Тем не менее Анучин, строгий прежде всего к самому себе, внимательно прислушивается и к той критике, которую против Рихтхофена направил Герланд. Автор многих работ по этнографии, Герланд выступил, пишет Анучин, «решительным противником антропогеографического элемента в землеведении». Анучин относится критически к некоторым крайностям во взглядах Герланда и, в частности, говорит: «Если антропогеографический элемент не может входить в географию на том основании, что при изучении его неприменим математический метод, то ведь то же самое может быть сказано о растительном и животном мире. Требование, чтобы географ имел солидную физико-математическую подготовку, является несколько крайним: для географа существенно важна также естественно-историческая, геологическая и биологическая подготовка. Для познания стран натуралист (геолог и биолог) в состоянии сделать более, чем математик-физик». Анучин считает трудным вопросом также разграничение задач географии с задачами геологии, особенно динамической геологии, которая «вступает в область физической географии и даже становится на ее место» (Анучин).

В результате последовательного развития своих представлений о задачах географии Анучин приходит к заключению, что «география в ее современном развитии не представляет из себя строго замкнутой науки, а является комплексом из целого ряда наук, способных разрабатываться каждая сама по себе» (разрядка моя. В. В. Б.). «Сложность географической науки, — говорит Анучин, — нуждающейся в содействии различных специальностей, наглядно подтверждается географическими конгрессами, на которых рядом с собственно географами реферировут астрономы, физики, геологи, этнографы, статистики и т. д.».

Так развивал Анучин свои мысли о задачах и достижениях географии, как науки, в 1892 г. Ничто существенное не изменилось в его взглядах на этот предмет и в последующие годы его жизни. Те же мысли он развивал по более конкретному поводу в 1902 г. в статье «О преподавании географии и вопросах, с ним связанных» (Землеведение, т. IX, кн. II—III, стр. 1—18). Анучину вообще была свойственна какая-то фундаментальная способность мышления. При его всесторонней осведомленности, у него сразу складывались определенные взгляды на предмет; и хотя его поразительная эрудиция с дальнейшими годами росла, а установившиеся у него взгляды более обогащались фактическим материалом и более конкретизировались, но все же его научные убеждения не делали заметных отклонений по существу.

Поэтому и его взгляды на задачи географии отличаются основательностью, определенностью, что позволяло ему критически взвешивать любое новое учение, не отступая от своих собственных руководящих идей.

С таким всесторонним пониманием географии как науки, А н у ч и н занял особое место в истории географии в нашей стране. Он не был у нас первым ученым географом по времени, но он был у нас первым, ученым географом по существу, первым, который дал верное направление географии в ученом мире нашей страны, в высшей и средней школе и в среде широкой общественности. Анучин был первым географом, который создал у нас большие кадры новых географов, создал им общественные условия для самостоятельной научно-исследовательской работы, создал научно-общественный печатный орган для распространения географических знаний в нашей стране. А н у ч и н был у нас первым ученым географом, которого до настоящего времени еще никто не превзошел по его научному авторитету и по его влиянию на рост и научное достоинство географии в глазах широких слоев населения. Ю. М. Ш о к а л ь с к и й называет А н у ч и н а «главой целой школы молодых географов», под его руководством «так много сделавших для физико-географического изучения России» (В. В. Богданов, 50-летие ОЛЕА и Э). Проф. Л. С. Б е р г, ученик А н у ч и н а, приветствуя его, пишет: «Заслуги ваши в деле насаждения географических знаний неизмеримы: вам приходилось работать на нераспаханной почве, создавая все вновь из ничего» (там же). П. П. С е м е н о в - Т я н ш а н с к и й, глава и руководитель Русского географического общества, признал «особенно дорогим сердцу каждого русского географа» создание А н у ч и н ы м географического отделения при Обществе любителей естествознания и основание «прекрасного нового периодического издания «Землеведение» (там же). Проф. (ныне академик) Вл. Аф. О б р у ч е в приветствует в лице А н у ч и н а «редактора и основателя «Землеведения», сделавшегося лучшим русским географическим журналом» (там же). Проф. (ныне академик) А. А. Г р и г о р ь е в приветствует А н у ч и н а, как собирателя со всех концов земли русской людей, преданных науке, как ученого, высоко держащего знамя науки» (там же). Проф. А. А. Б о р з о в благодарит своего учителя, как «авторитетного руководителя нескольких поколений русских ученых, большого ученого и крупного общественного деятеля» (там же).

Главное, чем обязана А н у ч и н у географическая наука в нашей стране, заключается в его профессорской деятельности. В московском университете А н у ч и н заложил надежный фундамент для кафедры географии и для ее широкого распространения из университета в обширные слои общества, в том числе в среднюю и начальную школу.

Что из себя представляла у нас университетская география до А н у ч и н а, об этом можно судить по сжатой содержательной статье самого А н у ч и н а: «География в Московском университете за первое столетие своего существования» (Землеведение, кн. III—IV, 1917, стр. 23—46). Это первое столетие для университетской географии началось в 1757 г. через два года после основания Московского университета. География за этот долгий период влачила не только жалкое, но и какое-то странное существование. Одно время, к концу 40-х годов прошлого столетия, как будто блеснул луч света с назначением А. П. Е ф р е м о в а для преподавания «всеобщей географии». Сам Е ф р е м о в как будто бы понимал географию в риттеровском духе, но об этом достоверных сведений нет, о его лекциях сведений также почти не сохранилось, и никто не мог указать ни одной напечатанной оригинальной статьи Е ф р е м о в а по географии.

С уходом Е ф р е м о в а из университетских преподавателей, «Московский университет, — говорит А н у ч и н, — лишился надолго

представителя географии. Только спустя 38 лет, после введения в действие университетского устава 1884 г., когда была учреждена (сперва на историко-филологическом факультете, с 1887 г. переведенная на естественное отделение физико-математического факультета) кафедра географии, явилась для студентов возможность слушать курсы по общему землеведению и страноведению». Эту новую кафедру и занял впервые А н у ч и н, первый профессор географии в русском университете.

Из того, что уже выше было сказано об огромной эрудиции А н у ч и н а, о его всестороннем и критическом понимании достижений в западноевропейской географической науке, можно представить, как серьезно поставил А н у ч и н эту дисциплину в Московском университете, как основательно освежил он университетскую атмосферу, пропитанную антинаучной сряпней разных случайных людей, вовсе не сведущих в вопросах географии. Свое дело и обязанности профессора А н у ч и н видел не в том, чтобы написать серию университетских учебников, а затем по ним из года в год читать одно и то же да экзаменовывать студентов. А н у ч и н был сам живой учебник, всегда обновленный самыми последними сведениями из русской и иностранной науки. И тот, кто слушал А н у ч и н а, был всегда в курсе не только новейших достижений науки, но и той трезвой критической их оценки, которою А н у ч и н всегда сопровождал свои лекции. Слушать лекции А н у ч и н а это значило — работать вместе с ним по новейшим источникам, работать критически, деятельно и трезво.

Некоторые биографы А н у ч и н а и юбилейные лекторы о нем с тяжелым вздохом вспоминали: «Не написал учебника А н у ч и н, а мог бы. Слишком многим наукам он отдался, слишком много работы на него навалилось, забот, хлопот много». Все это — напрасные вздохи. А н у ч и н мог бы написать не один десяток учебников. Он писал легко, память у него была колоссальная, работоспособность даже до последних дней жизни. — изумительная. Но А н у ч и н то, что написано вчера, считал уже сегодня отставшим, несовершенным, и некому было, кроме него, делать все новые и новые исправления. Самые последние высказывания о географии, как науке, как уже было сказано, его не удовлетворяли. Он не хотел и не мог поэтому стеснять себя учебником, в котором должен был бы высказываться и по вопросам, еще недоступным для ясного и точного решения. Зато А н у ч и н, чтобы облегчить работу своих учеников, охотно предпринимал переводы иностранных авторов, к которым очень часто давал свои дополнения и критические замечания. Для него и для его слушателей это был новый рабочий материал для критического анализа. А А н у ч и н, как аналитик, был бесподобен: всегда вооружен огромным количеством фактов, всесторонним знанием предмета и ясной логикой. В своих многочисленных критических рефератах, особенно в разборах больших диссертаций русских и иностранных ученых, он выявлял всю силу и остроту своего анализирующего ума. Этим драгоценным свойством он не мог и не хотел поступаться и перед своими слушателями студентами. Даже на зачетах, на экзаменах он скорее беседовал со студентом, чем его экзаменовал, но беседовал, как с человеком, который знает предмет и может самостоятельно о нем судить.

Вот почему слушатели А н у ч и н а уже со студенческой скамьи должны были много читать и быть вооружены умением критически анализировать прочитанное. Они учились у А н у ч и н а ценить только то знание, которое сами продумали, сами взвесили и поняли. И, действительно, прекрасная многочисленная географическая школа университет-

ских учеников А н у ч и н а поражает этими свойствами: большою начитанностью, трезвым критицизмом и самостоятельностью в научно-исследовательской работе.

Уже за первые годы своей деятельности по кафедре географии в университете А н у ч и н настолько высоко ценился физико-математическим факультетом, что последний в 1890 г. присудил ему степень доктора географии *honoris causa*. Это был первый доктор географии в России.

К этому времени А н у ч и н успел сделать очень много для развития географических знаний не только в университете, но и вне его. Прежде всего он, как один из авторитетных и энергичных деятелей Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, организует в составе Общества в 1890 г. новое отделение — географическое. Учреждением географического отделения А н у ч и н достиг того, что университетская географическая молодежь — студенты и окончившие университет — получили такую аудиторию, которую в университете, по тогдашнему времени, нельзя было создать. В своем очерке «Несколько слов о развитии русского земледелия и о задачах географического кружка в Москве» (Земледелие, т. I, 1894, стр. 1—16) А н у ч и н дает резюмирующую характеристику отсталости тогдашней России в географических знаниях и в знании самой России, и намечает посильные задачи нового географического кружка, т. е. географического отделения Общества естествознания для развития географии своими научными силами.

«Не задаваясь обширными целями», — говорит А н у ч и н, — члены кружка желают лишь скромно работать для пополнения собственных своих сведений, они желают сами учиться друг у друга, у всех сведующих людей, у европейской науки и у общей матери-природы». В этот кружок, в географическое отделение Общества, А н у ч и н, его основатель и бессменный председатель, с первого же дня привлек многочисленные кадры молодежи, особенно университетской, профессоров, доцентов и других ученых Москвы, Петербурга и провинции. Заседания, доклады с дискуссиями, организация экспедиций и экскурсий, собрание материалов, обработка их, печатание статей, заметок, трудов, устройство географических выставок, приток в отделение обильной географической литературы русской и иностранной, свой географический журнал (о чем ниже), свои музейные коллекции — вот что дал А н у ч и н молодым географам, своим ученикам и всему географическому коллективу. И если он не написал полного учебника по физической географии и по историко-географии, то коллективной работой основанного и руководимого им географического отделения А н у ч и н сторичеcки оплатил за десятки им ненаписанных учебников. В этом разделе деятельности А н у ч и н а раскрывается большая и очень содержательная глава в истории географии нашей страны. Ее итоги замечательны. С 1-го заседания географического отделения 1 декабря 1890 г. и по 24 апреля 1923 г. — последнее заседание при жизни и под председательством А н у ч и н а — состоялось всего 152 заседания. Количество молодых сил, вовлеченных в эту работу, плодотворное развитие начинающих ученых географов, внимание и содействие этому со стороны крупных русских и иностранных специалистов, большой интерес, возбужденный работами отделения в общественной среде, наконец все, что было сделано силами отделения по географическому изучению нашей страны, — все это огромно, полноценно, жизненно. Все это ждет своего историка.

Одной из программных задач, которыми А н у ч и н начал научно-исследовательскую работу отделения, было изучение рек и озер России.

К этому времени относится участие самого А н у ч и н а в экспедиции по изучению истоков рек Волги, Днепра и Западной Двины; к этой экспедиции он привлек также и несколько членов отделения. Экспедиция ставила своей задачей также изучение озер.

В дальнейшем работа отделения по изучению рек и особенно озер сделалась одной из основных и обогатила русскую географическую науку впервые развившимся в ней разделом русской лимнологии, углубленным изучением речных долин, биологическим изучением озер и другими важными достижениями.

Летом 1894 г. А н у ч и н двумя отрядами отправился в экспедицию по изучению рек и озер: 1) Д. Н. А н у ч и н и В. А. М о н а с т ы р е в, 2) В. В. Б о г д а н о в и И. П. С и л и н ы ч. Первый отряд работал в бб. Псковской и Тверской губерниях, а второй — в б. Смоленской губернии. О результатах этой экспедиции А н у ч и н сообщил в статье «Новейшее изучение озер в Европе и несколько новых данных об озерах Тверской, Псковской и Смоленской губерний» («Землеведение», I, 1895, стр. 137—163). Статья начинается следующими словами:

«До последнего времени озера обращали на себя сравнительно мало внимания. Лишь более крупные из них или представляющие важность в практическом отношении (промышленном или как пути сообщения) подвергались большему изучению, в целях исследования их глубин, качества дна, изменений их уровня, течений и т. д. Озера же менее крупные, рассеянные местами во множестве, в горах и на равнинах, оставались почти неизученными, и только очертания их снимались на план и изображались (и то не всегда точно) на топографических картах. Такое отсутствие интереса вызывалось, главным образом, низким уровнем соответствующего отдела физической географии, так называемой «лимнологии» (науки об озерах), в которой не были достаточно выяснены ни цели исследований, ни их методы». Далее А н у ч и н указывает, как медленно, с развитием геологии, гидрографии, метеорологии, стали проясняться представления об образовании озерных бассейнов, условиях их происхождения, типах озерных впадин и т. д. «Постепенно, — говорит А н у ч и н, — стала выясняться связь озер с образованием сдвигов и складок в поверхностных слоях земли, с так называемыми дислокациями и тектоническими процессами, а с другой стороны, с размытием или эрозией, с провалами, обвалами, оседанием почвы, с распространением ледников и их наносов, с деятельностью рек, с понижением местами уровня моря и т. д. Явилась возможность более детальной и рациональной классификации озер, основанной на изучении их положения, физико-химических свойств, способов происхождения или генезиса, выяснились точнее и различные задачи лимнологических исследований, а равно соответствующие этим задачам методы наблюдений».

А н у ч и н дает затем содержательный обзор всего, что было сделано к тому времени в области лимнологических исследований в Швейцарии (особенно д-ром Ф о р е л е м), в Италии (работы М а р и н е л л и), в Австрии (проф. С и м о н и и Р и х т е р), во Франции, Венгрии, Англии, Германии и других странах. Отмечает А н у ч и н, как исключительно ценное издание, «Атлас альпийских озер Австрии», под ред. проф. П е н к а и Р и х т е р а; подобный же атлас был издан во Франции в 1892—93 гг. министерством общественных работ под редакцией Д е л е б е к а (Delebeque). Озера Англии и Шотландии стали изучаться тоже лишь в эти девяностые годы XIX ст. Помимо внешней стороны лимнологических работ в Западной Европе, А н у ч и н останавливается на главнейших

научных достижениях в лимнологии, которыми он отчасти руководился сам и его сотрудники в экспедиции 1894 г. Между прочим, А н у ч и н отметил слой быстрого падения температуры, по Р и х т е р у «слой скачка» (Sprungschichte) подтвержденный другими исследователями в озерах южных Воезов, в балтийских озерах и т. д., а потом и у нас (в Бельском у. Смоленской губ.). Обратил он внимание и на существование целых озерных провинций. «По относительному числу озер, — говорит А н у ч и н, — некоторые части нашей империи не имеют себе равных на всей земной поверхности... Замечательная зона озер тянется от Новгородской губ. через Тверскую, Псковскую, западную часть Смоленской, Витебскую, Виленскую, Ковенскую, Сувалкскую и переходит в Seenplatte Восточной Пруссии». Указаны им также озера Финляндии, Олонецкой губ., Прикаспийской низменности, за Уралом и пр.

«Из всей этой массы озер, — говорит А н у ч и н, сколько нибудь обследованы и изучены у нас лишь весьма немногие, представляющие особенную важность, как пути сообщения или в отношении промышленности». Это — Каспийское море, Ладожское озеро, Чудское, соленые озера Астраханского края, Балхаш, Байкал, Онежское озеро. Большая часть работ по перечисленным озерам уже устарела к тому времени, когда писал А н у ч и н, и требовалось новое их изучение, а «что касается до термических данных, — говорит А н у ч и н, — до распределения температур на различных глубинах, то в этом отношении у нас почти вовсе не имеется систематических наблюдений, которые можно было бы поставить в параллель с соответствующими наблюдениями в Западной Европе».

Излагая предварительные данные результатов своей экспедиции 1894 г., А н у ч и н характеризует посещенные им озера Осташковского и Торопецкого уездов, как озера моренного ландшафта, представляющие сходство с озерами прусской Seenplatte. Произведя значительное число измерений вдоль наибольшей оси озер, А н у ч и н дает продольные их профили, которые также имеют аналогию в прусских озерах, судя, например, по картам и разрезам для озер Мекленбурга. «Пенк, — говорит А н у ч и н, — сравнивает озера этого типа с большими долинами, не имеющими равномерного уклона и выказывающими смену глубоких ям более мелкими участками, чем они напоминают ложа рек. Подобного рода ложбины представляют из себя, по мнению П е н к а, русла потоков талой воды, образовавшихся при отступлении ледника». В данных экспедиции по изучению температур озер А н у ч и н обращает внимание на два характерных озера в Смоленской губернии: одно — типичное «теплое» озеро Свадицкое, другое, противоположное ему, холодное озеро «Бездонное» около г. Белого. О Свадицком озере А н у ч и н списывался потом с д-ром Вилли Улэ, констатировавшим подобное же явление. «Во всяком случае, — говорит А н у ч и н, — различие между указанными озерами является крайне любопытным: в то время как в одном (Свадицком) на глубине 6 м мы встречаем 18—17,3° С, в другом (Бездонном) на том же уровне мы имеем 9—5,2°, т. е. на 9—12° ниже, и это при одинаковой поверхностной температуре в 17—18°». Объяснение этого факта А н у ч и н видит в различии глубин обоих озер и способов их питания. Не мало внимания было уделено экспедицией «слою скачка» температуры и другим явлениям.

Так было положено А н у ч и н ы м начало лимнологическим работам в нашей стране хотя и в небольших масштабах, но впервые по систематической программе, стоявшей на уровне таких же работ западноевро-

пейских лимнологов. После этой экспедиционной работы и напечатания ее результатов Анучин ввел в свой университетский курс целый отдел об озерах, который вышел в печати в виде очерка: «Воды суши. Озера». (Землеведение, кн. II, 1896, прилож. 1—24). В энциклопедическом словаре Брокгауза (1897, 42 полутом) им дан также очерк «Озера» с характеристикой разных типов озер, их происхождения, научного и практического значения. В том же 1897 г. вышел труд Анучина «Верхневолжские озера и верховья Западной Двины». Рекогносцировки и исследования 1894—1895 гг. с двумя листами батиметрических карт, четырьмя листами профилей и диаграмм и 22 рис. в тексте; V — 156 стр. 4^о («Труды экспедиции для исследования источников главнейших рек Европейской России», изд. под ред. начальника экспедиции А. А. Тилло, 1897). Этот труд Анучина был отмечен, как «замечательный», известным знатоком водных сообщений инженером М. Н. Герсевановым в его обзоре русской литературы по нашим водным путям в Журнале министерства путей сообщения, 1900. Резюме Герсеванова было изложено проф. Гравелиусом в его журнале «*Zeitschrift für Gewässerkunde*». За свой труд Анучин был удостоен благодарственного адреса от Комитета выставки по рыбоводству и рыболовству 1902 г. в Петербурге. Таким образом было положено начало признанию русской лимнологической деятельности (в трудах Анучина) со стороны ее практического значения.

Многочисленные ученики Анучина и другие русские ученые с этого времени все более и более отдаются серьезным лимнологическим исследованиям в нашей стране. Уже в самом первом номере «Землеведения» Анучин помещает ценную статью Г. И. Куликовского «Зарастающие и периодически исчезающие озера Обонежского края». С глубоким интересом и с большой подготовкой дал несколько исследований по лимнологии А. А. Крубер. Летом 1897 г. им были исследованы провальные озера Тульской губ., о которых он говорит с точки зрения карстовых образований («О карстовых явлениях в России», в «Землеведении», IV, 1900). В том же году Крубер исследовал «Болота и озера Богородского у. Московской губ. и северозападной части Рязанской губ.» (Землеведение, III—IV, 1897). Одну из ранних работ по озеру Гокча в Закавказье напечатал по личным материалам и исследованиям А. А. Ивановский («Землеведение», II—III, 1895). Позднее это озеро изучали М. Ландсман («Малый бассейн озера Гокча», в «Землеведении», IV, 1903) и петербургский географ Е. С. Марков (его докторская диссертация: «Озеро Гокча, I, География физическая», 1911).

Много лимнологических экспедиций совершил Л. С. Берг, который особое внимание уделил Аральскому морю. Аральское море он посетил и работал на нем в 1900 (ценные материалы по гидрологии озера), 1901, 1902, 1906 гг. Все результаты своих работ по Аральскому морю Берг изложил в своей диссертации «Аральское море» (XXIII, стр. 580, 1908). По защите диссертации, по предложению Анучина, Бергу была присуждена сразу степень доктора географии, минуя магистерскую степень. Сверх того, Л. С. Берг исследовал Индерское озеро (1896), соленые озера Омского уезда (1898), озеро Балхаш (1903), оз. Иссыккуль (1903), озера Армянского плоскогорья (1909) и другие. Все эти исследования Берга сопровождалось многочисленными статьями, напечатанными, главным образом, в «Землеведении».

Очень заметно выдвинулся в области лимнологии другой ученик Анучина — П. Г. Игнатов, рано умерший во время одной из своих

экспедиций. В некрологе, посвященном Игнатову («Землеведение». IV, 1902), А н у ч и н дает высокую оценку своему талантливому ученику. И г н а т о в работал на озерах Южного Алтая (1897), на соленых озерах Западной Сибири вместе с Бергом и Елпатьевским (1898), на больших озерах Акмолинского уезда (1899), на Телецком озере 1900—01), в последнюю поездку (1902) он отправился на озера Кокчетавского уезда. Им написано и напечатано много статей и отчетов в «Землеведении» и других изданиях.

Не мало и других учеников А н у ч и н а работало по изучению озер. Из них — В. Леонов (Рязанская губ., Закавказье), П. А. Бельский (Тверская губ.), В. С. Елпатьевский (Западная Сибирь и Монголия), М. А. Боголепов (Московская губ.), А. Грачев (Тульская губ.), Е. Болохонцев и С. Г. Григорьев (на ростовских озерах Ярославской губ.), Б. М. Житков (Архангельская губ.), В. Заржецкий, Я. П. Щелкашовцев, В. А. Лесневский, Б. Кашенко, С. Н. Соколов, В. С. Доктуровский, А. П. Керман, И. М. Крашенинников и многие другие в разных губерниях и областях России. Часть из них хотя и не была учениками А н у ч и н а, но явилась продолжателями дела, начатого им, как например, ассистентка геологии и географии Новороссийского университета Е. Морозова, сделавшая интересную поездку на оз. Рица в Абхазии, или К. Кульвевец, изучивший Вигерские озера Сувальской губ. или Лебедев, изучивший и описавший очень подробно встречающиеся Камчатской экспедицией озера Камчатки (обширный труд, 350 стр., 4^о) и многие другие.

К последним годам жизни А н у ч и н а наша лимнологическая наука охватила многочисленные, близкие и отдаленные, районы страны. Наша лимнология уже значительно выдвинулась вперед и в области теоретических вопросов, за которыми зорко следил А н у ч и н и помогал их освещению своими многочисленными руководящими статьями и заметками в «Землеведении». Для этой же цели он предложил д-ру Вилли Улэ из Галле дать статью для «Землеведения» (IV, 1902): «Современное положение лимнологии (озероведения) в Германии». В 1916 г. при Русском географическом обществе организуется Озерная комиссия, которая выработала краткую инструкцию для исследования озер, их берегов, прибрежных областей, открытых частей дна и экономического значения озер.

Таковы плоды замечательной инициативы А н у ч и н а по изучению озер нашей страны. Они были бы много значительнее, если бы в тогдашних правительственных сферах хорошо понимали это научное дело и содействовали бы ему материально. Лишь в советское время этот вопрос стал актуальным и к нему относятся с большим интересом как правительственные учреждения, так и многие колхозы СССР. Советская лимнология находится накануне своего исключительного развития и процветания.

Другое крупное географическое начинание, которым А н у ч и н обогатил русскую географическую науку и, в частности, Московский университет, было основание географического музея при университетской кафедре географии; кафедра была крайне бедна пособиями, картами и книгами по географии. С согласия Совета Общества любителей естествознания и пользуясь поддержкой Комитета собиравшегося в 1892 г. в Москве XI Международного конгресса по доисторической археологии и антропологии, А н у ч и н от имени Общества и конгресса организовал при конгрессе весьма обширную географическую выставку. Выставка заняла 9 больших зал в здании Исторического музея, в которых было раз-

мещено множество географических карт, картин и других иллюстраций, диаграмм, картограмм, инструментов, аппаратов, серий географических атласов, книг и других изданий, подобранных по темам, разных моделей и макетов и т. п. Полные сведения о выставке А н у ч и н напечатал в «Отчете о бывшей летом 1892 г. в Москве первой русской географической выставке» («Землеведение», I, 1894. Приложение, стр. 1—57, с 3 фототип.). Выставка обратила на себя большое внимание русских и иностранных специалистов, ее посетило много преподавателей, учащихся и других лиц. Русское географическое общество отметило выдающиеся заслуги А н у ч и н а по организации выставки специальным благодарственным адресом, а физико-математический факультет Московского университета выразил официально А н у ч и н у и с своей стороны благодарность за организацию и за широкий успех выставки.

Богатейшие коллекции географической выставки легли в основание тогда же учрежденного географического музея при университете. Это был первый географический музей в России, доступный не только студентам, но и всем желающим.

Заботу о дальнейшем пополнении музея коллекциями, книгами, пособиями взял на себя А н у ч и н и Общество любителей естествознания. Конечно этих дарений и услуг было недостаточно, помещение для музея и его библиотеки в университете было отведено крайне тесное, обслуживающего персонала не было; университет не проявил в этом деле необходимого содействия. А н у ч и н много сделал лично для этого любимого своего детища, дав ему полноценное научное содержание, отвечавшее потребностям кафедры географии.

Пышно расцвело другое детище А н у ч и н а — журнал «Землеведение», появившийся и существовавший не в атмосфере ведомственной опеки, подобно географическому музею, а в свободной среде научной общественности. Основание «Землеведения» стоит в тесной связи с основанием географического отделения Общества любителей естествознания. «Землеведение» по существу стояло в программе тех задач, которые выдвигал А н у ч и н при создании географического отделения. «Землеведение», которое явилось одним из лучших периодических органов по географии, печатало на своих страницах важнейшие достижения русских географов, в том числе и молодых, начинающих ученых, помещая их статьи, очерки, заметки, рефераты, рецензии, с иллюстрациями и приложениями, регулярно освещая все новости науки. «Землеведение» всегда было в курсе географических знаний нашей страны и важнейших достижений иностранных географов. «Землеведение», первый номер которого появился в 1894 г., выходил под редакцией А н у ч и н а в количестве 25 томов по четыре книги в каждом томе. Эти сто книг — целая энциклопедия географических знаний, не потерявшая своей ценности до настоящего времени, а для истории географической науки в нашей стране являющаяся беспримерной по объему и содержанию летописью. В «Землеведении» самым главным, самым сильным и неизменным сотрудником был А н у ч и н. Статьи А н у ч и н а встречаются почти в каждом томе, в каждой книге много раз. Но, что особенно ценно и показательно, с первой же книги первого тома рядом с А н у ч и н ы м уже стоят имена его учеников — И в а н о в с к о г о, К у л и к о в с к о г о, М и х а й л о в с к о г о, а также имена начинающих ученых из политических ссыльных, которым А н у ч и н всегда уделял много внимания, имена русских провинциальных писателей — М а м и н а-С и б и р я к а, Я д р и н-

цев и других, непосредственное знакомство которых с природой нашей страны Анучин весьма ценил. И очень скоро как московская географическая молодежь, так и ученые провинции почувствовали себя на страницах «Землеведения», как в среде им близкой и приятной. Что Анучин не поощрял легкомысленной псевдонаучной стряпни — это хорошо знали все читатели журнала и особенно его ученики, искавшие у Анучина совета, указания, поощрения и здоровой критики, и они все это получали в изобилии.

Анучин умел держать молодые научные силы журнала «Землеведение» на таком уровне, что их статьи не были диссонансом наряду со статьями очень крупных русских и иностранных ученых и путешественников. Такие выдающиеся ученые, как А. И. Воейков, А. П. Павлов, В. А. Обручев, Ю. М. Шокальский, Вл. Л. Комаров и другие, были обычными авторами в журнале Анучина.

Только Анучин умел так научно, содержательно и жизненно поставить географический журнал в отсталой тогда России, в такое время, когда еще сама наука — география боролась за оправдание самой себя, за признание своего достоинства в Академии наук, где у нее не было в то время кафедры (хотя самого Анучина и избрали академиком), за признание ее пользы и необходимости в университете, в средней начальной школе и вообще в своем отечестве. Кто близко знал эту научно-просветительную деятельность Анучина, тот несомненно понимал, что она была возможна благодаря огромному научному авторитету Анучина, его всесторонней большой эрудиции, обширному личному знакомству со многими русскими и иностранными учеными, его неиссякаемой энергии и силе воли, а главное — благодаря его высокому уважению к науке и к самому читателю.

Не переставал Анучин следить и писать по истории землеведения, по истории насаждения географических знаний в нашей стране особенно. В этом направлении очень ценной является его юбилейная статья о Ломоносове: «География XVIII века и Ломоносов». Эта статья вместе со статьей акад. А. П. Павлова о Ломоносове как геологе (обе статьи напечатаны в сборнике Московского университета, посвященном 200-летию со дня смерти Ломоносова) является исключительно по своей продуманности, содержательности и глубокой оценке великих заслуг первого русского академика. Здесь впервые была вскрыта научная ценность проекта северной экспедиции, составленного Ломоносовым, причем Анучин содержательно ознакомил читателя с каждой главой этого замечательного проекта Ломоносова, предвидевшего уже тогда, что когданибудь наступит время и этот проект осуществится, как он действительно и осуществился в советское время. В этой же статье Анучин впервые дал лучший в нашей науке обзор трудов Ломоносова по картографии России, а эти труды представляют целую главу в истории русской географической науки вообще, надолго прерванную и недописанную после смерти Ломоносова. Говоря о деятельности Ломоносова по географическому департаменту Академии наук (с 1757 г.), Анучин так ее оценивает: «Всего этого вполне достаточно для того, чтобы Ломоносов занял видное место как в истории географии вообще, так особенно в летописях русского землеведения».

К сожалению, этот замечательный очерк Анучина был напечатан в малопопулярном издании университета и оставался неизвестным огромному большинству даже русских географов.

С неменьшим вниманием А н у ч и н следил за каждой юбилейной датой о том или другом деятеле в области географии, русском или ине странном, всегда писал о них, особенно много уделял внимания русским путешественникам. Разбросанные на многих страницах разных изданий за разные годы, очерки эти могли бы составить поучительный и ценный сборник.

В первую очередь здесь следует указать на его статью: «О судьбе Колумба, как исторической личности, и спорных и темных пунктах его биографии» («Землеведение», I, 1894, 185—256). В этой работе А н у ч и н дает подробный обзор всех важнейших документов, рассказов и других сведений о Колумбе, а также важнейших исследований о нем. Как ни трудно разобраться в этой массе противоречивых данных, А н у ч и н все же дает критический анализ каждого факта или свидетельства.

Отвечая, например, на отзывы некоторых новейших исследователей о Колумбе, считавших его «посредственным моряком, стоявшим ниже по своим знаниям многих современных ему мореплавателей», А н у ч и н говорит, что если бы даже эти отзывы были справедливы, «им все-таки невозможно было бы уничтожить значение фактов, которые свидетельствуют: 1) что Колумб первый проложил морской путь на Запад и открыл многие части Америки; 2) что он несколько раз находил дорогу к Испании и благополучно возвращался оттуда в Испанию, несмотря на многие опасности, бури, противные ветры и пр. и не взирая на то, что большей частью ему приходилось плавать на маленьких плохих судах, совершенно не приспособленных для дальних плаваний; 3) что он целые десятки лет провел на море, плавая по Средиземному морю и Атлантическому океану, а потому естественно думать, что он усвоил себе все те мореходные сведения, которые были доступны лучшим тогдашним морякам».

Далее А н у ч и н указывает, что до нас не дошли даже карты Колумба, его морские журналы и многие письма. Поэтому А н у ч и н не считает правильным осуждать Колумба даже в его ошибках определения географической широты, тем более, что у его современников и ближайших последователей встречаются ошибки не меньше, чем у Колумба. А н у ч и н приводит ряд научно поставленных проверок будто бы сделанных Колумбом ошибок, и оказывается, что этих ошибок Колумб не делал.

Далее А н у ч и н излагает положительную оценку Колумба Гюнтером, признавшим его заслуги открытия магнитного склонения, определения линии, по которой стрелка компаса указывает точно на северный полюс, открытия им Сарагосского моря, экваториального течения и др. Многие остроумные догадки и объяснения Колумба реальных, явлений уживались в его голове со всевозможными средневековыми легендами и фантазиями. А н у ч и н видел в Колумбе два источника знания: трезвое наблюдение и научное понимание с одной стороны и средневековую баснословную фантастику с другой. А н у ч и н также разбирается и в противоречиях личного характера Колумба, прошедшего многие годы в борьбе с морем, в голоде, в болезнях от изнурительной лихорадки, и заключает эту мысль так: «Есть что-то величаво-трагическое в этой жизни, посвященной одному стремлению, одной идее, в основе своей оказавшейся ложной, но увенчавшейся грандиозным открытием, которое произвело существенный переворот в истории культуры и открыло новые пути для европейской колонизации».

Эта статья Анучина имела отрезвляющее значение для понимания истинного значения Колумба как путешественника и исторической личности.

Много ценных, трезво продуманных характеристик написал Анучин о русских путешественниках и исследователях: о Пржевальском, Северцове, Воейкове, Клеменце, М. М. Ковалевском, С. О. Макарове, Мушкетове, Щуровском, Богданове, Потанине, Ядринцеве, Радлове, Модестове, Забелине, Уварове, Елисееве, Чупрове, Л. Н. Толстом («Из встреч с Толстым» и «Памяти Толстого») и других, а из иностранных — о Дарвине, Вирхове, Норденшельде, Рихтгофене, Амундсене, Галилее и др. Анучин писал эти характеристики и биографии с большим знанием подлинной жизни и действительных заслуг данных лиц.

Много кропотливого труда вложил Анучин, чтобы собрать, изучить, проредактировать, снабдить примечаниями беспорядочно разбросанные печатные очерки, рукописные отрывки и другие материалы Н. Н. Миклухо-Маклая. Эта работа проходила для Анучина с большими препятствиями, являвшимися со стороны, и лишь к самому концу своей жизни Анучин успел приготовить и сдать в печать только первый том. Им обработаны были и материалы для II тома. Опасаясь, как бы этот опромный труд его 10-летней работы не остался неизданным, Анучин незадолго до смерти помещает в «Землеведении» 1922 г. (кн. III—IV, стр. 3—80, вышла в 1923 г. после смерти Анучина) большую статью «Н. Н. Миклухо-Маклай, его жизнь, путешествия и судьба его трудов». Здесь рассказана вся история с работой над изданием «Путешествий Миклухо-Маклая», перечислены важнейшие материалы, над которыми приходилось работать, дан общий обзор путешествий Миклухо-Маклая, приведены выдержки из дневников и писем, а также рисунки путешественника. Когда за дело издания взялся было Госиздат, и редактирование предложено было Анучину, последний снова ревностно принялся за работу, но и здесь встретились препятствия.

«Ввиду того, — пишет Анучин, — что предложенное Госиздатом опубликование оставленных Миклухо-Маклаем дневников, отчетов и других статей снова встретило препятствия, я позволю себе поместить на страницах «Землеведения» составленный мною очерк жизни путешественника и судьбы его трудов. Мне не хотелось бы, чтобы эта моя статья погибла бесследно, тем более, что мне осталось жить уже немного, а другому было бы трудно собрать и использовать все те материалы, которыми мог воспользоваться». — Другого в то время и не нашлось бы такого, как Анучин. Хорошо, еще что Анучин успел передать в издательство «Новая Москва» первый том, который и вышел после его смерти. А что стало со вторым томом, пока еще неизвестно.

Это была последняя лебединая песня Анучина в области исторической географии, которую он ставил высоко вслед за физической географией и для которой не жалел ни труда, ни времени, ни своих сил.

Следует указать еще на одну работу Анучина, в которой ему пришлось дать как сложную характеристику автора, так и редакцию русского перевода его труда. Это — А. ф. Гумбольдт, Центральная Азия. Исследования о цепях гор и по сравнительной климатологии. Перевод с французского П. И. Боровдича. Под редакцией проф. Д. Н. Анучина. Том первый. Со вступительными статьями профессо-

ров Д. Н. Анучина и В. А. Обручева. М. 1915. 8°, ССLXII — 350 стр., 2 карты.

Анучин не хотел было браться за кропотливую работу по изданию труда, вышедшего в 1843 г. Но так как книга Гумбольдта до конца XIX века продолжала высоко цениться в ученых кругах (Рихтхофен, Зюсс, Реклю, Пешель, Щуровский, Северцов, Мушкетов и др.) и так как перевод был сделан лицом, хорошо знавшим французский язык, то Анучин решил предоставить отечественной науке в русском переводе труд знаменитого путешественника. При этом решено было дать очерк, посвященный деятельности А. Гумбольдта вообще и особенно его путешествию на Урал и в Сибирь, его взглядам на геологию и орографию внутренней Азии, а также указать на дальнейшие, после Гумбольдта, успехи в изучении рельефа и строения Центральной Азии. Анучин взял на себя составление обширного очерка: «Александр фон Гумбольдт, как путешественник и географ и в особенности как исследователь Азии» (стр. IX—ССXXXIII), а В. А. Обручев составил очерк «Изменение взглядов на рельеф и строение Центральной Азии от А. ф. Гумбольдта до Эд. Зюсса» (стр. ССXXXIV—ССLXII). Самый труд Гумбольдта, примечания и поправки заняли 350 стр. текста.

Очерк Анучина о Гумбольдте интересен и ценен во многих отношениях. Здесь прежде всего Анучин дал обстоятельный обзор путешествия Гумбольдта в Америку вместе с Бонпланом, молодым ботаником, в 1799—1804 г. и характеристику обработанных ими данных по Америке. Это же путешествие дало Гумбольдту материал для его замечательных популярных очерков «Картины природы» (*Ansichten der Natur*) К своей лебединой песне «Космосу» Гумбольдт готовился рядом предварительных работ еще во время путешествия в Америку. Америка дала Гумбольдту вообще большой запас знаний для его дальнейших научных трудов. В 1825 г. он прочитал ряд публичных лекций на французском языке, а затем в 1827—28 гг. в Берлине в публичных курсах «по физическому мироописанию». «Эти курсы Гумбольдта, — говорит Анучин, — составили выдающееся общественное событие своего времени». На зимний семестр 1827—28 г. Гумбольдт объявил бесплатный публичный курс—*collegium publicum*—по физической географии в Берлинском университете. Лекции проходили почти ежедневно перед многочисленной аудиторией, в которой, кроме студентов, Гумбольдта слушали профессора, учителя и многие из образованного общества. Для представителей высшего общества Гумбольдт решил прочесть более популярный курс. Значение публичных лекций Гумбольдта, говорит Анучин, состояло еще в том, что «они были первыми попытками широкого общения человека науки с обществом, с публикой, в целях ознакомления ее с современным состоянием знаний о Земле и о мироздании». Анучин дает вообще очень высокую оценку Гумбольдту, как путешественнику, исследователю природы и как талантливому писателю и лектору, знакомящему с достижениями науки широкие массы людей. Наука не должна быть замкнута только в узкой среде специалистов и университетских слушателей — таков был неизменный девиз и самого Анучина, как ученого.

Излюбленную область Гумбольдта, — говорит Анучин, — «была «физика Земли, или физическая география, вмещавшая и географию растений, и некоторые отделы геологии». Своими работами, продолжает Анучин, — «Гумбольдт вносил новые методы и идеи в

науку о Земле и о действующих на ней силах и тем закладывал фундамент для здания сравнительного земледоведения». Из особенно ценных достижений Гумбольдта Анучин выделяет его работы по распределению на земной поверхности температур, предложенный Гумбольдтом метод соединения на картах пунктов с одинаковыми средними температурами, метод, значительно облегчивший сравнительное изучение стран в климатическом отношении. Важны также, говорит Анучин, новые данные по земному магнетизму, по атмосферному давлению в разных широтах, по морским течениям. «Но особенно важны были его сравнительные наблюдения над распространением растений, установившие зависимость растений от климатических зон и указавшие на аналогии в постепенном обеднении растительного мира от экватора к полюсам и от подошвы гор к их вершинам». Этими сопоставлениями, говорит Анучин, Гумбольдт положил «основы географии растений».

Далее Анучин указывает, что Гумбольдтом были положены новые идеи в понимание рельефа земной поверхности, в частности, он установил понятие о средней высоте стран, материков, всей земной поверхности; он обратил внимание на направление горных цепей, на линейное расположение вулканов и т. д. «В этих идеях, — говорит Анучин, — можно, по примеру Пешеля, видеть даже главное значение Гумбольдта, как физико-географа».

Анучин с определенной целью дает своему читателю представление о научных заслугах Гумбольдта, так как он должен дальше представить детальное объективное изложение путешествия Гумбольдта на Урал, Алтай и к Каспийскому морю, во время которого Гумбольдту не было возможности отнестись к исследовательской работе иначе, как поверхностно, ориентировочно. А потому у читателя мог бы сложиться односторонний и неверный взгляд на исследователя. Оберегая читателя от такого заключения, Анучин излагает и краткую историю написания Гумбольдтом его пятитомного «Космоса», в котором сказались не только все сильные стороны гумбольдтовского таланта, но и некоторые свойства его научного консерватизма, не позволившие ему быстро пересматривать свои позиции в связи с прогрессирующими новыми открытиями. «Вообще, — говорит Анучин, — не прошло 20—25 лет после смерти знаменитого ученого, как во многих областях, в которых он работал, сделаны были такие успехи, которые оставили далеко за собой его «физическое мироописание». Но это — неизбежный закон жизни, особенно жизни новейшего времени с ее усиленным стремлением идти вперед во всех отраслях знания и его приложений». Это — характернейшие слова для самого Анучина, который до последних дней жизни никогда не отставал от современной науки.

Путешествию Гумбольдта по России Анучин отводит две особых главы III и IV. В III главе Анучин дает очень тщательно подобранные и проверенные сведения, касающиеся всех обстоятельств, предшествовавших и сопутствовавших путешествию Гумбольдта. Это — целая летопись событий, для которой Анучин, как и всегда он это делал, собрал и проштудировал всевозможные источники, даже архивы русских горных и заводских учреждений. Для истории географических исследований и состояния географических знаний в обществе, особенно в России, Анучин в этой главе дал интереснейшую хронику.

Но гораздо интереснее IV глава, в которой Анучин дает оценку Гумбольдту как исследователю внутренней Азии. Хотя путешествие, обставленное русским правительством с большой помпой и торжествен-

ностью, не благоприятствовало внимательному ознакомлению с природой внутренней Азии, и это давало повод многим расценивать труд Гумбольдта и его спутников проф. Эренберга и Розе, как малозначительный, Анучин, однако, признает, что путешественники значительно обогатили научную литературу. Объяснение этого он видит в том, что Гумбольдт, Эренберг и Розе были опытные путешественники, привыкшие наблюдать природу и умевшие отличать ее местные особенности. Для полной оценки напечатанных трудов путешествия Анучин сообщает ряд отзывов о них выдающихся ученых. «Знаменитый Э. Зюсс, — пишет Анучин, — представивший в своем «Лице Земли» (*E. Suess. Das Antlitz der Erde*), на основании многочисленных исследований, произведенных в течение 50 лет после появления «*Astie Centrale*», новую картину орографии и географии Азиатского материка, признал, что Гумбольдт в его классическом труде дал первый научную схему географии «внутренней Азии». Также ценит Анучин и взгляд И. В. Мушкетова, приведя длинную выписку из его книги «Туркестан». Между прочим, Мушкетов говорит: «Хотя выводы Гумбольдта относительно обширного распространения вулканизма в Тяньшане оказались впоследствии ошибочными, тем не менее великий географ в этом несколько не повинен, так как оригинальные источники, которыми он пользовался, неточно, а нередко и совершенно превратно изображали явления природы». Подробно изложен Анучиным также отзыв Рихтхофена и других и освещены главнейшие вопросы по физической географии Азии, возбуждавшиеся в научной литературе разного времени, а эти вопросы были такого сложного характера, которые и сейчас еще не окончательно изучены, как Гималаи, Тяньшань, Куэнлунь, Памир, Тибет и т. д. К этому надо еще добавить многочисленные примечания Анучина к самому тексту сочинения Гумбольдта «Исследования о системах гор и вулканических явлениях внутренней Азии». В них Анучин дает поправки на основании новейших данных.

Чтобы подойти к характеристике заслуг Гумбольдта в его путешествии по Азии со всей исторической правдивостью и критической осведомленностью, как это сделал Анучин в IV главе очерка о Гумбольдте, надо быть не только очень начитанным и знающим специалистом, но и исследователем, умеющим терпеливо изучать для этого обширные источники. Вся работа Анучина о Гумбольдте имеет большое значение не только для географии нашей страны, но и вообще для географической науки.

Работу о Миклухо-Маклае, о которой выше было сказано, Анучин вел более продолжительное время, чем работу о Гумбольдте. Но и эта последняя отняла у него много времени. А между тем у него на очереди все время стояли и многие другие задачи, в частности, например, география в школе.

Анучину очень многим обязана и школьная география, для которой он дал первых научно подготовленных преподавателей. Впервые свою руководящую роль в этом направлении Анучин выявил в Московском педагогическом обществе, в котором, при участии его университетских учеников, было организовано географическое отделение под его председательством. На открытии отделения 9 марта 1902 г. Анучин перед педагогами произнес обширную речь, в которой обстоятельно изложил, что такое география, каковы ее задачи, какие этапы переживала и переживает эта наука и о чем прежде всего должен позаботиться преподава-

тель географии у нас в средней школе («Землеведение», т. IX, кн. 2—3 1902, стр. 1—33).

В духе высказанных на этом заседании идей Анучин стал деятельно руководить работой преподавателей в географическом отделении Педагогического общества. Но Педагогическое общество, за все усердие к вопросам демократической постановки народного образования, скоро царским правительством было закрыто. Тогда Анучин переносит всю начатую там работу в географическое отделение Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Здесь организуется при отделении географии знаменитая Географо-педагогическая комиссия при неизменном председателе Комиссии Д. Н. Анучине. Комиссия привлекла в свои ряды московских и иногородних педагогов-географов, дала им, можно сказать, новое географическое образование и новые педагогические понятия, которые делали их настоящими педагогами. В силу этой тяги педагогов-географов к реформе своей науки, по почину Анучина, при географическом отделении Общества любителей естествознания был созван первый в России съезд преподавателей географии в 1915 году. Это был настоящий триумф географической науки перед всей страной, увидевшей впервые, как ее педагоги потянулись от притупляющих министерских программ и одобренных министерством бессодержательных учебников, одинаково противных как учителям, так и их школьникам ученикам, к свету и к свободному знанию. (Сведения о съезде напечатаны в «Землеведении», кн. 1—2, 1915, приложение, стр. 1—54; Труды съезда, вып. I в «Землеведении», приложение (отдельный том) 1916, I—II, стр. 1—191).

Под непосредственным влиянием Анучина, отчасти и в результате развернутой дискуссионной работы Географо-педагогической комиссии были составлены известные учебники и хрестоматии по географии четырех талантливых университетских учеников Анучина: А. А. Кривера, С. Г. Григорьева, А. С. Баркова и С. В. Чифанова. С этих учебников началась новая эра в истории школьной географии. Научно-обоснованные, интересные и понятные учебники освободили преподавателей от плохих руководств и впервые стали учить учеников настоящей географии. Эти учебники и хрестоматии, можно сказать, составили эпоху в истории школьной географии.

Деятельность Географо-педагогической комиссии неуклонно развивалась все время при жизни и под руководством Анучина. Комиссия и после его смерти продолжала работать по данному им направлению.

Руководящая и организационная деятельность Анучина в области географии не располагала его к работе над большими монографиями. Крупных монографических трудов по географии, которые создавали бы «эпоху» в истории науки, Анучин не напечатал. Подобно тому как он признавал преждевременным появление «Гумбольдтов в антропологии», он видел, что «Гумбольдт в географии» в свое время появился, но скоро же и устарел. В своей географической деятельности, как и в антропологической, Анучин прежде всего стремился создать научно-поставленный коллектив русских географов, который, при его личном руководстве, совершенствовался, углубляя географические знания, и специализировался по отдельным отраслям и вопросам землеведения. В этом отношении Анучин получил вполне заслуженное название «создателя русской географической школы».

Все печатные труды Анучина по географии, как крупные, так и менее значительные, построены на солидном научном фундаменте, в них

трудно найти какие либо ошибки. Поэтому очень ценны до настоящего времени все курсы его лекций, хотя они и не были напечатаны, и вышли лишь в студенческих литографированных изданиях. Необходимо также отметить такие его ценные работы, как: «Рельеф поверхности Европейской России в последовательном развитии представлений о нем», «Новейшее изучение озер в Европе и т. д.», «Верхневолжские озера», «Озера истоков Волги и верховьев Западной Двины», «География XVIII века и Ломоносов» его работы о Колумбе, о Гумбольдте, о Миклухо-Маклае и многие другие.

Во всех вышеуказанных работах Анучин дал образцы научного исследования и внес в науку и историю науки огромный фактический материал, в методическом и критическом отношении основательно проверенный. С Анучина, можно сказать, начинается всестороннее критическое исследование и понимание самого предмета географии.

Свой критический метод и его приложение к исследованию Анучин вносил всюду, даже в свои заметки и рецензии, которые иногда переросли в целые статьи. Заметки и рецензии Анучина до сих пор не утратили своего смысла и значения. Он зорко следил за тем, чтобы не оставить не замеченным всякое отклонение от научного понимания трактуемого вопроса, и тем более уже не оставлял без своего авторитетного анализа авторов крупного масштаба.

Анучин, как критик, может до известной степени быть уподоблен тем классическим критикам художественной литературы, которые давали верный тон писателям и направляли их творческую деятельность по настоящему пути.

Таков Анучин как географ. И в области географии размах его деятельности велик не меньше, чем и в области антропологии. И там и здесь его научная, преподавательская и общественно-просветительная деятельность была действительно необходима и чрезвычайно полезна. Трудно себе представить, как и кто смог бы выполнить все то, что сделал Анучин в этих двух областях знаний в его время, если бы не было Анучина.

IV. Анучин общественник

Анучин был глубоко проникнут прогрессивными идеями современной ему науки, политической и общественной жизни. Самое служение науке он считал своим общественным долгом перед своей страной.

Анучин признавал необходимость для ученого быть вместе с тем и общественным деятелем. Прежде всего наука должна быть доступна и понятна не только ученым и не только учащимся, но и обширной общественной аудитории, читающей газеты. И он стал регулярно писать в «Русских ведомостях» — газете либеральной части профессоров Московского университета. В то время как консервативная периодическая печать преподносила читающей массе ретроградные идеи и всякую ненаучную стряпню, Анучин поставил своей целью осведомлять через «Русские ведомости» читающую публику с настоящими достижениями науки. Он пишет по самым разнообразным вопросам. Здесь встречаются статьи о Судане и восстании Магди, разоблачающие мусульманский фанатизм и мистицизм, в очерке «На гипнотическом сеансе» он отрезвляет не в меру доверчивую интеллигенцию, увлекающуюся гипнотизмом, он напоминает широкой публике о заслугах Московского университета («Из прошлого Московского университета»), знакомит с большим количеством научных

съездов в России и за границей по археологии, по естествознанию, что особенно было ценно при общем неведении русского общества о задачах, целях и достижениях этих наук. Когда в 1887 г. русское правительство решило не допускать «кухаркиных детей» в гимназию, А н у ч и н пишет две обширных передовых статьи: «Об ограничении доступа в гимназии» (№№ 214, 235, 1887), за последнюю из них на «Русские ведомости» было наложено запрещение розничной продажи.

В голодный год (1892) А н у ч и н выступает и редактирует изданный «Русскими ведомостями» сборник «Помощь голодающим». В 1909 г. пишет фельетон «Помощь детям, оставшимся сиротами после итальянского землетрясения». Трудно перечислить все вопросы, с которыми выступал А н у ч и н в «Русских ведомостях». Здесь все можно найти: философию истории и исторический прогресс, высшее женское образование, международное научное и литературное общение, студенческие общежития, вопрос о недостатке профессоров, экскурсии молодежи, вольную научную академию в Москве, воспоминания о Герцене и т. д. Немало помещено А н у ч и н ы м в «Русских ведомостях» статей по естествознанию: автобиография, биография и переписка Ч. Дарвина; новое открытие Пастера; памяти Сеченова; прогресс в изучении природы; статья об И. И. Мечникове; разные статьи из области биологии, антропологии и географии и т. д.

Газетная деятельность А н у ч и н а в «Русских ведомостях» служила огромной общественной аудиторией, в которой голос большого ученого и прогрессивного общественника раздавался на всю Россию. А н у ч и н чрезвычайно дорожил этой общественной деятельностью, считая ее лучшим способом демократизации науки.

Самая большая задача общественного служения, которую себе поставил А н у ч и н, выражалась в его деятельности в научных обществах. А н у ч и н в 1871 г. был избран членом Московского общества акклиматизации животных и растений, в 1872 г. — членом Московского общества испытателей природы и в 1874 г. — членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. В этом последнем он нашел для себя то обширное поприще служения русской общественности, которое он понимал как содействие развитию науки, и в первую очередь развитию естествознания.

Когда А н у ч и н вступил в Общество любителей естествознания, оно уже было известно своими успехами на пользу общественного просвещения. В 1867 г. оно познакомило Россию с народами России своей знаменитой этнографической выставкой, к работе в которой были привлечены многочисленные научные деятели провинции из статистических комитетов, врачей, учителей, и других интеллигентов. В 1872 г. Общество создало первый в России музей прикладных знаний (Политехнический музей), как народный университет, в котором специалистами, в том числе Тимирязевым, Богдановым, Сеченовым, Столетовым, Умовым, Мечниковым и другими учеными, читались лекции народу под скромным названием «воскресные объяснения коллекций Политехнического музея». А н у ч и н, вступив членом Общества, привлек русскую общественность к антропологии и географии, а несколько позднее, уже ставший президентом Общества (1890—1923), содействовал сосредоточению в Обществе таких научных дисциплин, которые не могли свободно развиваться в ведомственных учреждениях. При нем в Обществе зародились целые научно-общественные кружки в виде отделений и комиссий Общества. При Обществе, при содействии А н у ч и н а, стали ра-

ботать кружки (носившие названия отделений или комиссий): физиологов, бактериологов, геологов, топографов-геодезистов, географов, географов-педагогов, музыкальных этнографов, фольклористов, исследователей воздухоплавания, гидробиологов и других. Все сотрудники этих дисциплин работали не только в тесном своем кругу, но Анучин привлекал их и к публичным выступлениям в открытых заседаниях Общества, на которые приходили многочисленные посетители из интеллигенции, служащих и рабочих.

На одном из этих заседаний впервые в Москве и в России летала модель самолета, пущенная рукой Николая Егоровича Жуковского, отца русской авиации; на этих заседаниях Москва знакомилась неоднократно с богатой сокровищницей музыкальных мелодий народов России, изучение которых здесь впервые было признано равноправным с наукой о природе и человеке. Выдающиеся русские путешественники и ученые географы собирали до отказа переполненную большую аудиторию Политехнического музея, когда делали свои доклады Пржевальский, Козлов, Певцов, Ядринцев, Сапожников, Арсеньев, Воейков, Шокальский, Мечников и многие другие. За организацией многочисленных публичных заседаний Общества Анучин признавал большое общественное значение и делал все возможное, чтобы они не превратились в академические собрания для одних посвященных. Когда в последний раз приезжал в Москву из Парижа И. И. Мечников, к Анучину обратилось до 50 научно-общественных организаций с просьбой допустить их представителей на это единственное заседание Общества, на котором Мечников должен был выступить с докладом. Это заседание состоялось и превратилось в грандиозное торжественное чествование великого ученого.

Чем больше русское правительство стесняло развитие науки, литературы, просвещения, общественной самодеятельности, тем энергичнее Анучин действовал через общественность, через Общество любителей естествознания, через другие ученые общества и организации, особенно выступлениями на съездах естествоиспытателей и врачей, на съездах Пироговского общества, на археологических и других съездах.

В стороне от устремлений Анучина оставалась, впрочем, тогдашняя Академия наук, в которой он не видел основ здоровой общественности. После разгрома Кассо Московского университета, он в «Русских ведомостях» (1911 г.) выступил со статьей «О вольной научной академии в Москве». В ней развивалась мысль о назревшей необходимости объединить научные силы Москвы на началах широкой общественности. Затхлою Академии наук противопоставлялась вольная академия. Аналогичную мысль он проводил в другой статье: «О возможности расширения образовательных задач Политехнического музея» (Русские ведомости, 1907), и еще в статье: «Русская наука и съезды естествоиспытателей» (Русские ведомости, 1909). Когда Академия наук избрала своим действительным членом Анучина, с чем в те времена был связан переезд в Петербург, Анучин отказался от звания академика, не желая из свободного общественного деятеля превратиться в академического затворника в чиновном Петербурге. Академия, правда, избрала его тогда почетным академиком, но сам Анучин никогда и нигде не подписался: академик Анучин.

V. Последние годы жизни Анучина

Великая Октябрьская социалистическая революция застала Анучина в возрасте 74 лет. Анучин был бодр, работоспособен, чуток к новой советской жизни и сохранял всю исключительную силу своего светлого ума и изумительной памяти. Наша страна пошла по новым путям грандиозного социалистического строительства. Анучин включился в это строительство со всей присущей ему энергией, с огромными знаниями во всех областях естественных наук, с напряженным вниманием ко всему, что перестраивалось или зарождалось вновь. Несмотря на свои годы, Анучин радикально пошел навстречу всем новым начинаниям в области науки, культуры и советской общественности. Пять с половиной лет прожил Анучин при советской власти и за это время работал едва ли не с большей энергией, чем раньше. Анучина привлекали всюду и все, кто только искал его знаний и советов. Многочисленные лекции в разных местах, научные институты, ведомственные институты, научная и общественная печать, народно-просветительные организации — везде и всюду бывал Анучин, принимая деятельное участие, пренебрегая регулярным отдыхом, несмотря на свои приближавшиеся к исходу 75—80 лет. Он оставался горячим сторонником материалистических научных знаний, последовательным и убежденным сторонником эволюционного учения Дарвина, со всею искренностью и доброжелательством он прилагал свои силы в деле популяризации науки в широких массах советского народа, продолжал стоять во главе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, поддерживая на прежнем высоком уровне его научный престиж.

В конце девятнадцатого века в русской общественной мысли начинают закладываться основы нового естественно-научного миропонимания. У отдельных представителей новое сознание доходит до полного законченного философского материализма. Но не все из них прошли этот путь до своего логического завершения.

Анучин принадлежал к тем ученым, которых справедливо называют представителями стихийного материализма. Он владел всеми разрозненными элементами материализма. В основе было строго рационалистическое мышление на прочной естественно-исторической базе, рассмотрение всего органического мира с точки зрения эволюционной теории, особое внимание к изучению памятников материальной культуры и склонность объяснить идеологические явления исходя из того или иного состояния этой материальной культуры.

Если к этому добавить широчайшую деятельность по демократизации науки, огромный размах организационных замыслов и способность вести научную работу силами большого коллектива, который в значительной части он сам и создал, то общественный облик Анучина будет полностью очерчен.

Однако, все же его нельзя назвать представителем диалектического материализма. Для этого ему недоставало философской обоснованности и политической направленности, которая, например, была у Тимирязева. В его научных взглядах встречались отдельные элементы, которые стояли изолированно и в сущности не гармонизовали с его же собственным научным мирозерцанием. Например, в первой работе об обезьянах и человеческих расах некоторые формулировки Анучина оказались неверными. Дальнейшее развитие науки показало, что некото-

рые взгляды А н у ч и н а в этом вопросе не получили убедительного доказательства.

Подводя заключительные итоги, можно сказать, что А н у ч и н был достойным предшественником законченного научного материализма, и тот огромный вклад в развитие географии и антропологии, который сделан им, в значительной мере подготовил и облегчил развитие этих наук в советское время. Великая Октябрьская социалистическая революция особенно сильно двинула те науки, которым служил А н у ч и н.

Освобождение народов, равноправие национальностей, новая культура национальная по форме и социалистическая по содержанию для антрополога открыло новые невиданные просторы. Народы, которые впервые выходят на арену культурной жизни, сами являются объектом антропологического изучения. Советская антропология приобрела огромные возможности развития, стоит перед новыми необозримыми задачами научного изучения и пользуется такими материальными средствами, о которых прежде нельзя было и мечтать.

Особенно сильное развитие получила география или, как ее любил называть А н у ч и н, земледевие. Многочисленные экспедиции уже стерли большинство белых пятен, которые так долго и в таком изобилии оставались на нашей географической карте. Никогда не было поставлено так высоко географическое изучение далеких окраин, нашего севера, полярных областей и северного полюса. Индустриализация окраин и широкое дорожное строительство потребовало целого ряда географических исследований. Широкая сеть гидростанций, план гидрологического переустройства всей страны, который называется «Большой Волгой», вызывает массу новых лимнологических исследований. Впервые в истории нашей науки составлена детальнейшая геологическая карта, почвенная карта.

Академия наук и многие научно-исследовательские институты открыли свои филиалы на далеких окраинах. Экспедиционное изучение постепенно заменяется стационарным исследованием местными учеными. Рост краеведческого движения вызвал к жизни множество новых исследователей из народа. Все это, вместе взятое, в корне меняет прежнее представление об отношениях между центром и периферией.

Советская антропология, советская география вобрали в себя все лучшее, все ценное, что было создано старой наукой, и то, что сделано умом и волей А н у ч и н а, занимает в ней почетное и достойное место.

К сожалению, его многочисленные статьи разбросаны во множестве старых и малодоступных журналов. В 1943 г. исполняется сто лет со дня рождения А н у ч и н а. Крайне необходимо отобрать лучшие произведения А н у ч и н а и выпустить их в свет. Пусть новое поколение молодых советских антропологов и географов ознакомится с замечательной фигурой ученого, которого заслуженно называли Московским Аристотелем и который своим талантом, знаниями и трудом содействовал подъему русской науки и в числе многих, других научных тружеников подготовил условия для расцвета советской науки.

Октябрьская революция вдохнула новое идейное содержание, поставила новые задачи, дала новые средства этим наукам, но для всех современных и грядущих научных работников имя А н у ч и н а продолжает светить и сохранять всю свою полноценную яркость.

ГЛАВНЕЙШИЕ ПЕЧАТНЫЕ ТРУДЫ Д. Н. АНУЧИНА

Число печатных работ Д. Н. Анучина чрезвычайно велико. Из них 450 работ за 1874—1913 гг. помещены в биографической статье Вл. Вл. Богданова «Д. Н. Анучин» в «Сборнике в честь 70-летия Д. Н. Анучина», Москва, 1913. Позднейшие его работы (1913—1923 гг.) перечислены в статье В. В. Бунака «Деятельность Д. Н. Анучина в области антропологии» (Русск. антроп. журн., вып. 3—4, 1924) и в статье А. В. Крубера «Памяти Д. Н. Анучина» (Землеведение, вып. 1—2, 1924). Всего число напечатанных Анучиным работ превышает 500.

О самом Анучине, как научном деятеле, напечатаны сведения в трех названных статьях Богданова, Бунака и Крубера, а также в отчете В. В. Богданова — 50-летие Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, М. 1915.

Не повторяя здесь трех названных библиографических указателей, следует отметить лишь главнейшие из печатных работ Анучина до 1913 г. Работы с 1913 г. указаны по возможности полностью.

1. По антропологии, доисторической археологии, этнологии и палеозоологии

1. Антропоморфные обезьяны и низшие расы человечества. «Природа», 1874, 204 стр., 116 рис., 2 табл.
2. Обзор современной литературы по краивоологии. Моск. медиц. газ., 1877, 23—29.
3. Материалы для антропологии Восточной Азии. I. Племя айнов. Тр. Антроп. отд. ОЛЕА и Э. 1874, 4°, 184 стр., рисунки.
4. Антропологические и этнографические собрания, русские и иностранные. Заметки во время заграничной командировки. Антроп. выст. ОЛЕА и Э, тт. I и II, 1878.
5. Лондонские и германские антропологические собрания. «Антроп. вестн.», т. I, 1878.
6. Антропология на Парижской всемирной выставке 1878 года. Моск. мед. газ., 26, 27, 31 и 32, 1878.
7. О некоторых аномалиях человеческого черепа и преимущественно об их распространении по расам. Тр. Антроп. отд., VI, 1880, II+120 стр. in 4°, 104 рис.
8. Курс физической антропологии (литографированный), 42 стр., 4°, 1880.
9. Об антропологическом типе гушнов. Тр. этн. отд. ОЛЕАЭ, VII, 1886.
10. О древних искусственно деформированных черепах, найденных в пределах России. Изв. ОЛЕАЭ, XIX, вып. 4, 1887, 4°, и отд. оттиск 72 стр.

11. О географическом распределении роста мужского населения России. Записки Русск. геогр. о-ва по отд. стат., VII, вып. I, 1889, 10 раскраш. карт., 184 стр.

12. Изучение психофизических типов. «Вестн. Европы», май, 1890.

13. Великоруссы. Энци. сл. Бр. и Эфр., 10 полут., 1892; то же в нов. изд. словаря, 1912, 14 стр.

14. Германцы (физич. тип). Энци. сл. Бр. и Эфр., 1893.

15. Отзывы об антропологических исследованиях поляков А. Д. Элькинда, об антропологических трудах Ю. Д. Талько-Грынцевича и о труде С. А. Вайсенберга. Тр. Антроп. отд. ОЛЕАЭ, 1897.

16. Армяне в антропологическом и географическом отношении. Сборник «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам», 2-е изд., 1898.

17. А. С. Пушкин (Антропологический эскиз). Русск. вед., 1899, №№ 99, 106, 114, 120, 127, 134, 143, 163, 172, 180, 192 и 209. Отд. отт. в три столбца, 44 стр.

18. Россия в антропологическом отношении. Энци. сл. Брок. и Эфр. 64 полут. 1899.

19. Расы. (Историческое и критическое обозрение расовых теорий и классификаций). Энци. сл. Бр. и Эфр., 51 полутом, 356—360, 1899.

20. Славяне (антроп.). Энци. сл. Бр. и Эфр., 59 полутом, 1900.

21. Рецензии на сочинения Ripley „The Races of Europe“, Deniker—The Races of Man“ и Sergl „Species Variete umane“. РАЖ, I, 1900.

22. Об останках германцев III—IV вв. в торфяниках Шлезвига и соседних с ним стран. РАЖ, IV, 1900, стр. 69—75, 4 рис.

23. Рудольф Вирхов. РАЖ, кн. 3—4, 1901, 32 стр., 2 портрета.

24. Японцы (Антропологический и этнологический очерк). «Землеведение», кн. III—IV, 1906, стр. 54—105, рис. См. здесь № 118.

25. Антропологический музей Московского университета. РАЖ, I—II, 1907, стр. 236—247.

26. Происхождение человека и его ископаемые предки. «Итоги науки», 1912, 94 стр., рис.

27. Опыт новой антропологической классификации и диспут А. А. Ивановского. «Землеведение», I—II, 1913, стр. 234—268.

28. Диспут Е. М. Чепурковского. «Географическое распределение формы головы и цветности крестьянского населения, преимущественно Велико-россии в связи с колонизацией ее славянами. «Землеведение», I—II, 1916, 139—150.

29. На рубеже полутора и полустолетия. (Краткий обзор антропологической науки за 150 лет и антропологии в России за 50 лет). РАЖ, I—II, 1916, стр. 4—14.

30. Мечников и его антропологические статьи. РАЖ, I—II, 1916, стр. 129—138, с 2-мя портретами.

31. Лавров, как антрополог. РАЖ, I—II, 1916, стр. 114—117.

32. Горькие чуванцы. «К антропологии крайнего северо-востока Азии». РАЖ, № 1—2, 1918, стр. 41—48.

33. К антропологии украинцев (Ф. К. Волков. Антропологические особенности украинского народа, 1916). РАЖ, т. XI, № 1—2, 1918, стр. 49—60.

34. О необходимости основания в Москве антрополого-этнографического института. Казанский музейный вестник, 1920.

35. Происхождение человека, Госиздат, 1922.

36. Азия, как прародина и учительница человечества, ее настоящее и будущее. Новый Восток., т. I, вып. 1. 1922.

37. Ископаемый человек в Азии и в Африке. Новый Восток, т. I, вып. 2. 1922.

38. Находка неандертального черепа в Африке. РАЖ, т. XII, кн. 3—4, 1923, стр. 83—84.

39. Э. Б. Тайлор. РАЖ, 3—4, 1916, стр. 1—16 с портретом.

40. Рец. на: Ежегодник Русского антропологического о-ва при Петроградском университете, т. VI (на статьи: Г. Г. Манизера о гиляках, его же о ботокудах Бразилии, Д. А. Золотарева о великоруссах побережья Сухоны и Северной Двины, Л. Капицы о поморах Кемского и Онежского уездов). РАЖ, № 3—4, 1916, стр. 88—89.

41. Ламуты. (Материалы к антропологии тунгусов). РАЖ, № 1—2, 1916, стр. 83—96, с 6 рис.

42. К антропологии Балканского полуострова. РАЖ, 1—2, 1916, стр. 118—122.

43. Рец. на: Dr. Rudolf Martin, Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung mit besonderer Berücksichtigung der anthropologischen Methoden, 1914. РАЖ, 1—2, 1916, стр. 146—147.

44. Ф. Ф. Эрисман. (Некролог). РАЖ, 1—2, 1916, стр. 152—153.

45. Памяти А. Д. Элькинда. РАЖ, 1—2, 1922, стр. 3—5, с портретом.

46. О некоторых прикладных задачах антропологии. РАЖ, 1922, стр. 172—173.

47. Ф. К. Волков (1847—1918). Некролог. РАЖ, т. XII, № 3—4, 1923, стр. 78—79.

48. Некролог И. Г. Деникера. РАЖ, т. XII, № 3—4, 1923, стр. 79—80.

49. Из антропологической литературы. РАЖ, т. XIII, № 1—2, 1924, стр. 94—98. (Посмертная статья об умерших за время войны иностранных антропологах и о некоторых новых крупных антропологических работах за границей).

---

50. Редакция русского перевода сочинения Лесбюка: «Доисторические времена или первобытная эпоха человечества. Спб., 1876, II+428+VIII стр.

51. Отзыв о брошюре Шантра „Projet d'une légende internationale pour les cartes archéologiques préhistoriques“. Тр. Антроп. отд. ОЛЕАЭ, кн. II, вып. I, 1876, 71—78.

52. Отчет о поездке к доисторическим памятникам Франции, Антроп. выставка, т. II, 1878, 4°, 32 стр.

53. Описание предметов Антропологической выставки: отдел доисторических древностей (1—30 стр.), отдел манекенов, бюстов и масок (1—8 стр.), части палеонтологического и крапнологического отделов. Антроп. выставка, III, 1879.

54. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. Изв. Русск. геогр. о-ва, XX, 1884, стр. 357—449.

55. Доисторическая археология Кавказа. Журн. мин. нар. просв., 1884, янв., стр. 201—237.
56. Шестой археологический съезд в Одессе (вместе с проф. М. М. Ковалевским): труды отдела первобытных и языческих древностей. Вестн. Европы, кн. 12, 1884.
57. О древностях Минусинского музея. «Древности», XII, вып. I, 1888.
58. Исторический очерк деятельности русских археологических съездов. Истор. записка о деят. Моск. арх. о-ва, 1890, стр. 82—113.
59. Гальштадтский могильник. Энци. слов. Брок. Эфр. полут. 14, 1893.
60. Доисторическая эпоха; доисторический человек; дольмены. Энци. слов. Брок. Эфр., полут. 20, 1893.
61. Каменный век; каменные орудия; каменные бабы. Энци. слов. Брок. Эфр., полут. 27, 1895.
62. Новейшая классификация доисторических эпох Г. де-Мортилье. Арх. изв. и зам., стр. 17—23, 1898.
63. Каменный век и историческое население Египта. Арх. изв. и зам., 3—4, 1898, стр. 80—121 и отд. отд.
64. Пещерный человек; пещерные жилища. Энци. слов. Брок. Эфр., 46 полут., 1898.
65. Редакция русского перевода книги Л. Нидерле «Человечество в доисторические времена. Доисторическая археология Европы и в частности славянских земель». Спб., 1898, 459 стр., с предисловием и примечаниями редактора.
66. К истории искусства и верований приуральской чуди. Чудские изображения летающих птиц и мифических крылатых существ. Мат. по археол. вост. губерний, изд. Моск. археол. о-ва, III, 1899, 4°, стр. 237—259, 5 рис.
67. Россия в археологическом отношении. Энци. слов. Брок. Эфр., 55 полут., стр. 423—430, 1899.
68. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах. Мат. по археол. вост. губерний, изд. Моск. арх. о-ва, III, 1899, 4°, стр. 237—259, 5 рис.
69. И. Е. Забелин, как археолог, в первую половину его научной деятельности (1842—1876). «Древности», 1909, 42 стр.
70. Доисторическая Москва. В издании «Москва в ее прошлом и настоящем», вып. I, 1909, 45 стр., табл. и рис.
71. Предисловие к русскому переводу книги Обермайера: «Человек в его прошлом и настоящем», под ред. проф. М. А. Мензбира, М., 1913.
72. Рец. на: В. И. Подгорбунский. «К вопросу о пиктографии доисторического населения Сибири». РАЖ, № 3—4, 1916, стр. 86.
-
73. Этнографические очерки Балканского полуострова. «Природа», 1877, стр. 132—168.
74. О задачах русской этнографии. Этногр. обозрение, I, 1889, стр. 1—35.
75. Этнографическая выставка в Риге и современные латыши. Русск. вед., 265, 1896, (фел.).
76. Лодки; лопари; малайцы. Слов. Брок. Эфр., полут. 34 и 35, 1896.
77. Пермь; плуг; полинезийцы. Слов. Брок. Эфр. полут. 45, 46, 47, 1898.

- 78.** Россия в этнографическом отношении. Энци. слов. Брок. Эфр., полут. 54, 1899, стр. 139—152, с картой.
- 79.** Лук и стрелы. Археолого-этнологический очерк. Тр. V арх. съезда в Тифлисе, 1881; г. М. 1887, 4°, 75 стр., 73 рис. в тексте.
- 80.** Сани, лады и кони, как принадлежности похоронного обряда. Археолого-этнологический этюд. «Древности», XIV, 1890, 4°, стр. 81—226, 44 рис. в тексте.
- 81.** К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнерусское сказание «О человецах незнаемых в восточной стране». Археолого-этнографический этюд. «Древности», XIV, 1890, 4°, стр. 227—313, 14 рис. и фототаблица-карта.
- 82.** К юбилею Г. Н. Потанина. «Землеведение», I—II, 1916, стр. 104—111, с портретом.
- 83.** Румыния и румыны. «Землеведение», III—IV, 1917, стр. 26—39.
- 84.** Об остатках собаки, волка и лисицы из отложений каменного века на побережья Ладожского озера. (В издании проф. А. А. Иностранцева «Донисторический человек каменного века побережья Ладожского озера, 1882. 4°, стр. 55—81, 2 фототип.).
- 85.** К древнейшей истории домашних животных в России. Тр. VI археол. съезда, I, стр. 1—34, табл. и рис.
- 86.** Über die Reste des Höhlen-Bären und des Menschen aus Transkaukasien. Bull. Soc. Nat. de Moscou, № 21, 1887, p.p. 216—221.
- 87.** Über die Reste des Höhlen-Bären und des Menschen aus Transkaukasien. Там же, № 2, 1887, стр. 375—377).
- 88.** Ископаемый овцебык (*Ovibos fossilis* Rüt.) с берегов Лены. Тр. Зоол. отд. ОЛЕАЭ, VI, вып. 3, 1891, 10 стр., рис., 4°.
- 89.** К вопросу о диких лошадях и об их приручении в России. (По поводу статьи Ф. П. Келлена «К истории тарпана в России»). Журн. мин. нар. просв., 1896, июнь, июль, 75 стр.
- 90.** Естественно-историческое изучение домашних животных в России. (Обзорные личные работы автора по данному вопросу, а также относящихся к нему археолого-этнологических памятников и исследований). РАЖ, № 1—2, 1916, стр. 97—105.

2. По географии и по естествознанию вообще

- 91.** Курс лекций по истории земледелия, чит. на ист.-фил. факультете Моск. унив. в весеннем семестре 1885 г. (литографированный), 256 стр., 4° и 1 лист карт. М. 1885.
- 92.** Курс лекций по древней географии чит. 1886—87 г. на ист.-фил. факт. Моск. унв. в первом полугодии, (литографированный), 260 стр. in 4° и 4 стр. карт. М. 1887.
- 93.** Н. М. Пржевальский (некролог). «Русск. вед.», 293, 294, 297 и 300, 1888 (фел.) и отд. брош.
- 94.** Из области науки (О землетрясении в Верном; значение ветра для центральной Азии, космическая пыль; исследования Гренландии и других полярных стран). Русск. вед., 13, 1888, (фел.).
- 95.** Из поездки к истокам Волги и Днепра. Сев. Вестн., № 8, 1891, стр. 119—162.

96. Quelques mots sur le plateau du Valdai et sur son prétendu point culminant, appelé „Popova gora“. Extrait du „Compte Rendu du V-me Congrès intern. des Sciences géogr. à Berne“, 1892, 12 стр.
97. География (история развития и современные задачи и подразделения). Энци. слов. Брок. Эфр., 15 полут., 1892, стр. 377—390.
98. Несколько слов о развитии русского земледелия и о задачах географического кружка в Москве. «Земледелие», I, 1894, стр. 185—247, отд. отд. 62 стр.
99. Отчет о бывшей летом 1892 г. в Москве первой русской географической выставке. «Земледелие», I, 1894, прилож. стр. 1—57, 3 фототип.
100. Полярные страны. Географический обзор. «Земледелие», II, 1894, стр. 115—140.
101. Центральная Азия. Географический обзор. «Земледелие», III, 1894, стр. 79—114.
102. Предварительный отчет рекогносцировочной экспедиции 1894 г. по исследованию верховьев Зап. Двины. Спб., 1894, 63 стр.
103. Рельеф поверхности Европейской России в последовательном развитии представлений о нем. С 28 рис. и картами. «Земледелие», I, 1895, стр. 77—126 и IV, стр. 65—124, отд. брош. 109 стр.
104. Новейшее изучение озер в Европе и несколько новых данных об озерах Тверской, Псковской и Смоленской губерний. «Земледелие», I, 1895, стр. 137—163, 13 рис. и диагр., отд. отд. 27 стр.
105. Суша. Краткие сведения по орографии. «Земледелие», II—III, 1895, прилож., стр. 1—88.
106. Краткий предварительный отчет по исследованиям верховьев Западной Двины и Волги в 1895 г. Спб., 1895, 20 стр.
107. Воды суши. Озера. «Земледелие», II, 1896, прилож., стр. 1—24.
108. Фр. Нансен, его подвиги и открытия. Русск. вед., 284, 1896, (фел.).
109. Верхневолжские озера и верховья Западной Двины. Рекогносцировки и исследования 1894—1895 гг. С двумя листами батиметрических карт, 4-мя лист. профилей и диаграмм+22 рис. в тексте, 1897, 4°, V+156 стр. Труды экспедиции для исследования источников главнейших рек Европейской России, изд. под ред. нач. эксп. ген.-лейт. А. А. Тилло.
110. Редакция русского перевода сочинения Фр. Нансена «Среди льдов и во мраке полярной ночи» с прибавлением двух статей редактора: «Фр. Нансен» и «Неизвестные области». Москва, изд. Геогр. отд. ОЛЕАЭ, 1897, 283+201 стр. с таблицами, картами и рисунками в тексте.
111. Озера области истоков Волги и верховьев Западной Двины. «Земледелие», I—II, 1898, стр. 108—164, 21 рис. и отд. брош. 56 стр.
112. Редакция русск. перевода книги А. Зунан «Основы физической географии», Спб. IV, 1900+371 стр., 263 рис. и 20 хромолит. карт. (Было переведено и 5-е переработанное издание).
113. О преподавании географии и о вопросах, с ним связанных. «Земледелие», II—III, 1902, стр. 1—8.
114. Город Мунгазея и Мунгазейская земля: Историко-географическая заметка. «Земледелие», IV, 1903, стр. 35—46, 2 карты и рис.
115. О заслугах адмирала С. О. Макарова в области физической географии моря. «Земледелие», III, 1904, стр. 119—128.

- 116.** Элизе Реклю. «Землеведение», III—IV, 1905, стр. 68—92, с 2-мя портретами.
- 117.** Памяти проф. Ф. фон Рихтгофена. «Землеведение», III—IV, 1905, стр. 68—92, с портретом.
- 118.** Япония и японцы. Географический очерк с картами и рисунками. «Землеведение», I—II, стр. 205—246 и III, стр. 65—103, 1904; III—IV, 1906, стр. 54—105, отд. изд. М. 1906, 130 стр.
- 119.** Извержение Везувия и землетрясение в Калифорнии в апреле 1906 г. «Землеведение», III—IV, 1906, стр. 106—142, с картами и рисунками, отд. отд., 36 стр.
- 120.** Курс физической географии (литогр.), 1907.
- 121.** Новый русский курс землеведения (проф. А. Н. Краснов, Курс землеведения, ч. I), «Землеведение», I, 1908, стр. 93—125, (обстоятельный разбор курса Краснова).
- 122.** Наводнение в Москве в апреле 1908 года и вопрос об изучении наводнений в России. «Землеведение», II, 1908, стр. 87—110, с 9 рисунками.
- 123.** Редакция перевода книги Сванте Аррениус «Образование миров». Приложение к «Землеведению», 1908, с рисунками.
- 124.** Диспут Л. С. Берга. «Землеведение», I, 1909, стр. 87—100.
- 125.** Достижение Северного полюса. «Землеведение», III, 1909, стр. 40—60, с рисунками.
- 126.** Исследования Г. Мерцбахера в Тянь-шане. «Землеведение», IV, 1911, стр. 1—18, с портретом, 5 табл. и рис.
- 127.** Фотографический атлас форм земного рельефа. Русск. вед., 289, 1911, фел.
- 128.** Редакция русского перевода книги проф. А. Филиппсон: «Средиземье», область Средиземного моря, его географическая и культурная характеристика. Приложение к «Землеведению» и отд. издание М. VIII, 1911, 270 стр., 10 табл., 10 карт, 9 чертежей.
- 129.** География XVIII века и Ломоносов. «Сборник памяти Ломоносова», изд. Моск. унив., 1912, 20 стр.
- 130.** Редакция русского перевода книги О. Норденшельд: «Полярный мир и соседние ему страны». Перевод А. А. Григорьева с дополнением редакции. Приложение к «Землеведению», и отд. изд., VIII, 1912, 174 стр. с рис.
- 131.** Охрана памятников природы. «Землеведение», кн. I—II, 1914, стр. 1—50, с 29 рис.
- 132.** А. фон Гумбольдт как путешественник и географ и в особенности — как исследователь Азии. Вступит. статья, 225 стр. В I томе издания: А. фон Гумбольдт. Центральная Азия, пер. под ред. проф. Д. Н. Анучина, М., 1915.
- 133.** Старинная морская карта на пергаменте из собрания гр. А. С. Уварова, с фототипией карты и 4 рис. в тексте. «Древности Моск. арх. о-ва», т. XXV, 1915—1916 и «Землеведение», I—II, 1916, стр. 126—127.
- 134.** Записка по поводу проекта об изучении производительных сил России. Акад. наук, № 14, 1915.
- 135.** Изучение производительных сил России. «Землеведение» I—II, 1916, стр. 97—103, без подписи автора.

- 136.** Памяти А. И. Воейкова. «Землеведение», I—II, 1916, 112—117, с портретом.
- 137.** Речь, произнесенная при открытии 1-го съезда преподавателей географии. «Труды» съезда в приложении к «Землеведению», I—II, 1916.
- 138.** География в Московском университете за первое столетие его существования. «Землеведение», III—IV, 1917, 23—46.
- 139.** Н. Н. Миклухо-Маклай. «Землеведение», III—IV, 1922, стр. 3—81, с портретами и рисунками.
- 140.** Теория географических циклов Дэвиса в критическом освещении Геттнера. «Землеведение», III—IV, 1922, стр. 199—204.
- 141.** Отзыв на учебник А. А. Крубера «Общее землеведение». Часть III. Био-и антропогеография». «Землеведение», III—IV, 1922, стр. 208—213.
- 142.** Обработка и редактирование материалов Н. Н. Миклухо-Маклая для напечатания 1-го тома его «Путешествий», со вступительной статьей «Н. Н. Миклухо-Маклай». Изд. «Новая Москва», 1923.
- 143.** Двадцатилетие со дня смерти Н. Н. Миклухо-Маклая. «Землеведение», I—II, 1912, стр. 268—272.
- 144.** Панамский канал и возбуждаемые им вопросы. «Землеведение», III, 1913, стр. 129—136.
- 145.** Открытие новых островов в Сибирском Ледовитом океане. «Землеведение», III, 1913, стр. 149—153.
- 146.** Рец. на: А. Woeikoff. Le Turkestan Russe 1914. «Землеведение», III, 1914, стр. 173.
- 147.** Памяти профессора П. И. Кротова. «Землеведение», IV, 1914, стр. 150—151.
- 148.** Профессор А. Н. Краснов. (Некролог). «Землеведение», IV, 1914, стр. 151—152.
- 149.** Наши северные экспедиции и Полярная Комиссия Академии наук. «Землеведение», I—II, 1915, стр. 57—61.
- 150.** Рец. на: Вил. Брус. Полярные страны. Путешествия к полюсу и исследования полярных стран, 1914. «Землеведение», I—II, 1915, стр. 75—76.
- 151.** Диспут А. А. Крубера: «Карстовая область Горного Крыма». «Землеведение», III, 1914, стр. 139—152.
- 152.** Рец. на: Г. И. Танфильев. География России, часть I. Введение. История исследования. Учреждения и издания. Картография, 1916. «Землеведение», (книга Танфильева была отпечатана раньше 1916 г.), IV, 1915, стр. 108—111.
- 153.** Рец. на: Б. Дитмар и Е. Степаненко. Курс общей географии для V класса мужских гимназий, 1915. «Землеведение», IV, 1915, стр. 105—108.
- 154.** Рец. на: П. И. Броунов. Учебник общей географии, 1915. «Землеведение», IV, 1915, стр. 108—111.
- 155.** География на Западе за последние два года. «Землеведение», III—IV, 1916, стр. 206—212.
- 156.** Рец. на: Ю. М. Шокальский. Океанография, 1917. «Землеведение», III—IV, 1917, стр. 58—61.
- 157.** Рец. на: проф. П. И. Броунов. Курс физической географии, 1917. «Землеведение», III—IV, 1917, стр. 62—64.

158. Рец. на: А. А. Крубер. Общее землеведение, вып. I, 1917. «Землеведение», III—IV, 1917, стр. 64—65.
159. Рец. на: А. Крубер, С. Григорьев, А. Барков, С. Чефранов. Курс географии России, 1917. «Землеведение», III—IV, 1917, стр. 66—67.
160. Рец. на: С. Багров. История географической карты, 1917. «Землеведение», III—IV, 1917, стр. 67—68.
161. Рец. на: Д. Каррутерс. Неведомая Монголия, т. I, Урянхайский край, 1914. «Землеведение», III—IV, 1917, стр. 71—72.
162. Проф. А. Зупан. (Некролог). «Землеведение», I—II, 1922, стр. 169—171.
163. Рец. на: Э. Ог. Геология, т. I. Геологические явления. Перевод под ред. проф. А. П. Павлова и с его дополнениями, 1922. «Землеведение», III—IV, 1922, стр. 205—206.
164. К изучению производительных сил России. «Землеведение», I—II, 1916, стр. 97—103.
165. Памяти А. И. Воейкова. С портретом. «Землеведение», I—II, 1916, стр. 112—117.
166. А. А. Коротнев. (Некролог). «Землеведение», I—II, 1916, стр. 118—120, с портретом.
167. Рец. на: Л. Д. Синицкий. Лекции по землеведению (антропогеография), читанные в Московском коммерческом институте, 1915. «Землеведение», I—II, 1916, стр. 138—139.
-
168. 50-й съезд немецких естествоиспытателей и врачей в Мюнхене. Моск. медиц. газета, 1877, 43—46.
169. Автобиография, биография и переписка Ч. Дарвина. Русск. вед. 314, 1887, фел.
170. Русская ассоциация для споспешествования естественным наукам. Русск. вед., 345, 1893, фел.
171. О значении Ломоносова. Сборник, изд. Химич. отд. ОЛЕАЭ, 1900.
172. Памяти И. М. Сеченова. Русск. вед., 297, 1905.
173. Прогресс в изучении природы за последние 25 лет. Русск. вед., 192, 198, 209, 1906, фел.
174. «Оптимистические этюды» проф. И. И. Мечникова. Русск. вед., 109, 1907, фел.
175. Столетие со дня рождения Ч. Дарвина. Русск. вед. 26, 1909, фел.
176. Русская наука и съезды естествоиспытателей. Речь при открытии XII съезда естествоиспытателей в Москве, 28 дек. 1909 г. Русск. вед., 297, 1909, фел.
177. Полвека жизни Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. В. В. Богданов, 50-летие ОЛЕАЭ, М. 1915.
178. Ученая Москва. Изд-во «Красная Москва», 1920.
179. А. Р. Уоллес (Alfred Russel Wallace). «Землеведение», III, 1913, стр. 87—95, с портретом.

180. Речь на первом собрании Совета объединения (ассоциации) русских естествоиспытателей и врачей. «Землеведение», III—IV, 1916, стр. 249—254 (исторический очерк образования ассоциации).

181. Задачи объединения (ассоциации) русских естествоиспытателей и врачей. «Русск. вед.», 2 ноября 1916, перепечатано в «Землеведении», III—IV, 1916, стр. 254—260.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
I. Биография. Личные черты Анучина	5
II. Анучин антрополог	14
III. Анучин географ	32
IV. Анучин общественник	52
V. Последние годы жизни Анучина	55
Библиография.	
Главнейшие печатные труды Д. Н. Анучина.	57
